Марта Милоданович

Сердце Эрмиты



Марта Милоданович

Сердце Эрмиты

https://litres.ru/74760184
SelfPub; 2026

Аннотация

Четвёртая книга цикла "Хрустальные кружева Арви". Спасательный звездолёт "Стриж" живёт своей жизнью: пересменки, лицензии, долги и вызовы, на которые больше никто не летит. Капитан Арвойтус Гота знает о межзвёздных перелётах больше, чем ей хотелось бы, и всё ещё не понимает, какая роль отведена ей в истории, которая намного больше её самой. Поэтому она делает то, что умеет лучше всего: спасает людей. Но в Рукаве трудно понять, кто здесь избранный и на чьи плечи легла миссия. Похоже, каждый выбирает свою ношу сам. И несёт её не потому, что должен, а потому, что иначе нельзя.

Содержание

1. Глава 1 5
2. Глава 2 20
3. Глава 3 34
4. Глава 4 48
5. Глава 5 63
6. Глава 6 79
7. Глава 7 94
Конец ознакомительного фрагмента. 102

Марта Милоданович
Сердце Эрмиты

Книга 4. Сердце Эрмиты

1. Глава 1

Кольцо Тессы шумело так же, как месяц назад и как год, но сейчас звук доходил до Арви словно через одеяло. Вентиляция, колёса тележек, чей-то смех ярусом выше, лязг ставни, которую поднимали над лавкой, — всё это было где-то рядом и одновременно далеко, за толстой мягкой стенкой. Пол впереди уходил вверх и пропадал за изгибом. Люди с тележками шли по наружному борту кольца и, как всегда, не падали. Арви поймала себя на том, что смотрит на них, как новичок с карантинного яруса, и ждёт, что кто-нибудь всё-таки сорвётся.

— Не отставай, — бросил Мик, оглянувшись на ходу. — Аюда сказала к десяти. У неё к десяти значит без пяти, а без пяти значит, что пирожки уже остывают и она на тебя за это обижена.

— Иду. — Арви поправила на плече сумку с подарками: спасибо Мику, он выгреб весь сувенирный магазин, пока она приходила в себя, иначе подруги бы их не простили, потому что вернуться с розовой планеты с пустыми руками — преступление, за которое не делают скидку даже при учёте горевания.

Ирма сняла её с седативов шесть дней назад. Сказала, что дальше надо самой, и выдала список, чего не делать: не принимать алкоголь и стимуляторы, не сидеть одной в каюте, не

отказываться от еды. Мик забрал его и повесил на камбузе. Есть Арви не отказывалась. Она просто не всегда помнила, ела ли уже.

У рынка толпа сгущалась. Пахло обедом не ясно каких народов, хотя время было явно не обеденное: у кого-то на жаровне шипела рыба с чесноком, у соседней стойки варили бульон, и от его пара на поручнях оседали капли. Торговали зеленью из гидропоники, связками лука, банками квашеных сартинелл, уплотнителями и фильтрами вперемешку, детскими куртками, кристаллами для часов. Тётка с тележкой горячих лепёшек кричала цену в кронах и тут же в скрипах, для тех, кто с нижних ярусов. Мимо протиснулся грузчик с ящиком на плече, задел Арви локтем, извинился не оборачиваясь.

Мик застрял у пряностей. Он нюхал кардамон из открытого мешка с таким лицом, с каким другие люди слушают музыку, и уже начал торговаться, не собираясь ничего покупать. Арви встала рядом, у столба, чтобы не мешать потоку, и посмотрела через проход.

Там, между лавкой с посудой и колонной, стоял парень. Незнакомое лицо, резкое, с высокими скулами и тяжёлым, упрямым подбородком. Короткие каштановые волосы, небрежно упавшие на лоб, бритые виски. Ему было двадцать, не больше, но в неподвижных чертах уже угадывалась какая-то недетская жёсткость. Чёрная одежда сидела безупречно, плечи расправлены, руки в карманах. Он стоял

так, словно весь этот мир был ему тесен, а он пока просто не решил, что с этим делать. В нём чувствовалась энергия, сдерживаемая с таким усилием, что казалось: коснись его, и она ударит током.

Он смотрел на неё. Не скользнул взглядом по толпе, как все, а остановился на ней и замер. От её взгляда из него на мгновение ушла вся эта уверенная неподвижность, и Арви вдруг разглядела за жёсткими скулами и снисходительным ртом совсем молодого парня, почти ребёнка. Чуть обветренные губы приоткрылись, но он не произнёс ни слова.

Арви тоже застряла на нём взглядом. Не потому, что он был красив, хотя отрицать это было бы глупо. В нём не было отполированной, безопасной красоты мальчиков с рекламных экранов. Он был слишком настоящим: живое, напряжённое лицо, тёмные глаза, в которых что-то вспыхнуло и тут же спряталось, словно он сам испугался того, что выдал. Арви поймала себя на том, что пытается угадать, кто он такой и почему смотрит на неё так, будто она не опухшая сорокалетняя женщина, а небесный ангел. И никак не могла заставить себя отвести глаза.

Шум кольца ушёл совсем. Остался только проход шириной в несколько шагов и этот взгляд — прямой, неловкий, испуганный. Парень дёрнулся: кажется, хотел шагнуть к ней или от неё. В эти несколько шагов между ними втиснулась тележка с лепёшками, за ней протиснулись две женщины с сетками, а когда грузчик развернул свой ящик, толпа со-

мкнулась, как вода над камнем.

Когда тележка проехала, у колонны никого не было.

— Ты чего? — Мик тронул её за локоть. В руке у него был крошечный бумажный кулёк, значит, всё-таки купил. — Арви.

Она выдохнула. Получилось с усилием, как после долгого нырка.

— Душно здесь, да и что-то я отвыкла от толпы.

Мик посмотрел на неё сверху, как всегда чуть пригнувшись, и кивнул, не пытаясь ничего уточнять. Он взял её под руку, и так, против вращения, где шаг немного легче, они дошли до самого жилого сектора.

* * *

Дети у Аюды были в школе, муж на смене, и квартира стояла непривычно тихая и прибранная, как перед приездом комиссии. Стол Аюда выдвинула на середину комнаты. На нём было столько еды, что хватило бы на пересменку «Стрижа»: пирожки с капустой и подобием сала, с картошкой и укропом, сладкие с вишней, отдельная тарелка с какими-то крошечными, на один укус, с яйцом и луком. Аюда, конечно, извинилась, что мало.

— Я не знала, кто что будет, — сказала она, расставляя чашки. — Поэтому сделала всего понемножку.

Понемножку тут было явно не очень подходящее слово, но Мик промолчал, а Арви не нашла сил шутить.

Ника пришла раньше них. Она сидела у края стола, кра-

сивая, в светлом свитере, и поднялась, когда Арви вошла, но не обняла, а только коснулась её руки, коротко, словно проверяя, настоящая ли. Потом подошла к Мику. Они на секунду замешкались, не понимая, как им здороваться, и наконец крепко обнялись. Мик начал подробно перечислять, какие виды муки и специй он привёз для их совместной кондитерской, а Ника, перебивая его, нахваливала новых сотрудников.

За стол сели все вместе, что было совсем необычно — в этом доме царил хаос, и каждый ел там, где найдёт себе место, но в этот раз получился какой-то торжественный завтрак. Аюда положила Арви на тарелку три пирожка, подумала и добавила четвёртый. Мик взял один с капустой, откусил и стал жевать медленно, с профессиональным вниманием, будто собирался потом составить отчёт.

Повисла чавкающая пауза.

Арви чувствовала, как эта пауза растёт и густеет, и понимала, что причина её — она сама. Никто за столом не знал, что говорить. Ни одна из них ещё не теряла человека вот так, чтобы он просто перестал существовать насовсем. Аюда хоронила деда, Ника однажды едва не потеряла детей, но это было не то, и все это понимали и боялись промахнуться словом.

— А погода сегодня… — начала Аюда бодро и осеклась.

На Тессе не было погоды. Был график освещения, были сектора, где теплее, и те, где холоднее, а раз в неделю у рынка

сбоила вентиляция.

— Хорошая, — сказала Ника очень серьёзно. — Без осадков.

Мик фыркнул в чашку. Аюда покраснела, засмеялась и тут же снова стала двигать по столу тарелки, хотя двигать было уже некуда.

— Ешьте, — сказала она. — Остынут же.

Арви послушно откусила пирожок с вишней. Вкус дошёл с опозданием, как и всё в эти дни.

— А Ива? — спросил Мик.

— Обещала, — Аюда посмотрела на дверь. — Я ей вчера три раза напоминала, и она все три раза сказала «да», и ни разу не сказала, когда точно сможет прийти; у неё «эти» дни, в смысле творческие.

Дверь пискнула ровно в ту минуту, когда пауза собиралась снова сгуститься.

Ива всегда входила так, что на неё оборачивались. Обычно она несла себя внутри сногсшибательного комбинезончика от лучшего дизайнера Рукава: на другой женщине он выглядел бы рабочей одеждой, а на ней казался вечерним платьем. Волосы лежали гладко, один к одному, и на лице было ровно столько косметики, чтобы никто не догадался, что она там есть.

Сегодня она пришла в пижаме.

Пижама, надо признать, была дорогая и стильная: тёмно-зелёная, с узким кантом, из ткани, даже в мятом виде ле-

жащей благородно. Но она была заметно мятая. И не первой свежести, на манжете темнело пятно, похожее на кофе. Лицо без краски выглядело старше и мягче, а волосы торчали с одной стороны так, словно Ива спала на них, а потом долго сидела, запустив в них пальцы.

— Ива, — выдохнула Аюда. — Ты так по кольцу шла?

— Тут три сектора, — Ива пожала плечами и села на свободный стул. — Никто не смотрел, а кто смотрел, тот решил, что это мода.

Она взяла пирожок с картошкой, понюхала и съела в два укуса. Похоже, ела она сегодня впервые.

— Что с тобой? — спросила Ника.

— Простите, — сказала Ива, и в голосе её не было ни капли раскаяния. — Герои хотят быть написанными. Они сидят во мне и хотят, чтобы их выпустили в мир. Я тут ни при чём.

Арви знала про эти её приступы ещё с их совместной учёбы в академии. Ива писала нейросны на заказ, лучшие в Рукаве, и получала за них деньги, о которых остальным за этим столом можно было только тоскливо мечтать: женщины с ледяных лун, говорящие рыбы, романтические спасения — всё, что просили заказчики. А иногда в ней просыпалось что-то другое. Тогда она бросала заказы, улетала на какую-нибудь красивую планету, снимала домик на месяц или два и под чужим именем писала нейры, которые никогда не шли в массовый прокат. Их смотрели свои, человек двести на весь Рукав, и спорили о них годами. Эти приступы накрывали её

внезапно, и она ничего не могла с ними поделать: живая Ива исчезала, а на её месте появлялось существо, из которого вываливались образы, герои, сюжеты. Даже то, что сегодня она дошла до подруг и сидела теперь с ними за столом, было для неё верхом героизма, Арви это понимала и была благодарна.

— И куда ты в этот раз? — спросил Мик.

— Никуда, — Ива взяла второй пирожок. — Не долетела. Даже билет не взяла. Скоро Тимир приедет, обещал следить за моим режимом дня. Прижало прямо здесь, я заперлась в квартире и вторую неделю не выхожу. Сегодня вот только выползла ради вас.

Она сказала это просто и посмотрела на Арви, и Арви поняла, что «ради вас» означает «ради тебя», но Ива не стала этого уточнять, и спасибо ей.

— А о чём? — спросила Аюда.

Ива помолчала, крутя в пальцах пирожок.

— Сама пока не понимаю, оно после ваших историй с Сиваша из меня полезло. Там кто-то поёт. Пение, которое слышно только внутри. Снаружи тишина, а внутри поют. — Она поморщилась. — Больше ничего не скажу, потому что больше ничего не знаю. Они мне пока не рассказали.

— Кто они?

— Герои, Аюда. Я же говорю, — Ива как будто разозлилась на то, что не все следят за её мыслью.

Аюда посмотрела на неё с жалостью, как на больную, и подлила чаю. Ива благодарно кивнула и не заметила, что чай

был не её.

Арви держала свою чашку очень бережно — горячую, и это было хорошо, потому что пальцы мёрзли.

Ника заговорила, когда все снова замолчали. Тихо, опустив глаза к крошкам возле своей тарелки.

— Я ведь единственная из вас его знала.

Аюда замерла с чайником в руке. Мик перестал жевать.

— Он был очень похож на Рилана, — сказала Ника. — Только на того Рилана, которого я сама хотела бы видеть.

Арви подняла глаза. Ника встретила её взгляд спокойно, без той осторожной жалости, с какой смотрела Аюда.

— Он был очень… хорошим, — добавила Ника.

Арви хотела сказать «да, спасибо» и не смогла, потому что горло опять перехватило, почти как час назад на рынке, и просто кивнула, а Ника ответила ей тем же.

Стало так тихо, что слышно было, как гудит в стене вентиляция и как у соседей за переборкой кто-то роняет кастрюлю.

— А у меня новость, — громко сказал Мик.

Все повернулись к нему, Аюда с явным облегчением.

— Меня Мару тренирует, — объявил он и выпрямился на стуле, отчего сразу стал на голову выше всех. — Каждый день. В спортзале, сначала на «Стриже», а сейчас на третьем ярусе. Она сама из-за ключицы пока мало что может, так что сидит на ящике и командует. Знаете, как она командует? Хуже Тобиаша.

— Тебя? — Аюда поставила чайник. — Зачем?

— Затем, что я иду, наконец, сдавать на лицензию спасателя.

Ива перестала жевать.

— Мик, — сказала она. — Ты кок. И ты ведь уже дважды заваливал эти экзамены!

— Трижды. Ну да, я кок, — согласился Мик. — И суперкарго. И буду спасатель. Младший, с ограничениями, но с лицензией. Мару говорит, что в скафандре я хорош, мне только пролезать никуда нельзя, и что это можно натренировать.

— Это правда, — сказала Арви. Голос у неё вышел хриплый, но это был голос.

Мик посмотрел на неё быстро и тут же отвернулся к остальным, будто ничего не заметил.

— А главное, — сказал он, понизив голос, как для страшной тайны, — я подтянулся.

— Что ты сделал?

— Подтянулся на турнике. Первый раз в жизни. Сорок лет, Аюда, сорок лет я висел на этих турниках как мешок с мукой, а позавчера взял и подтянулся. Мару так орала, что из соседнего зала прибежали проверять, кого убивают.

— Не верю, — приподняла брови Ива.

Мик встал, отодвинул стул и пошёл к двери в кухню.

— Мик, — Аюда вскочила следом. — Не смей. Это косяк, а не тренажёр! Его муж два раза чинил!

Но Мик уже ухватился пальцами за верх дверной рамы. Роста ему хватало, чтобы достать, не подпрыгивая. Он повис, поджал ноги, и лицо у него стало сосредоточенное и страдальческое, как у человека, который поднимает на себе весь «Стриж». Рама скрипнула. Аюда взвизгнула и закрыла рот ладонью. Мик медленно, рывками, с хрипом потащил себя вверх, и его нос поравнялся с косяком, а подбородок, кажется, не совсем, но почти.

Потом он отпустил руки и спрыгнул, красный, взмокший и абсолютно счастливый.

— Вот, — сказал он. — Подбородок не считается, Мару говорит, что дома не считается.

Ива захохотала первой, запрокинув голову, и пижама на ней съехала с плеча. За ней засмеялась Ника, тихо, прикрываясь чашкой, а потом и Аюда, которая всё ещё держалась за сердце и проверяла пальцами раму. Арви не засмеялась, но почувствовала, что улыбается, и что это не стоит ей никакого труда. Впервые за утро в комнате стало легче дышать, словно кто-то наконец открыл заслонку.

— Я это напишу, — сказала Ива, вытирая глаза. — Честное слово. Кок, который подтягивается на дверях. Заказчики меня убьют.

— Пиши, — разрешил Мик великодушно. — Только чтобы с подбородком.

Он посмотрел на часы и вздохнул.

— Мне пора. У нас с Мару встреча через полчаса, за опоз-

дание она спрашивает строго, и одной руки ей для этого вполне хватает.

Аюда тут же стала заворачивать пирожки в салфетку, для Мару, потом ещё для Тобиаша, потом для всех, кто будет в зале. Мик не возражал. В дверях он задержался и посмотрел на Арви.

— Дойдёшь сама?

— Дойду.

— Хотя нет, я заберу, — поправил себя он, как будто она ничего не ответила. — Напиши, когда.

И ушёл. Дверь пискнула и закрылась.

* * *

Без Мика за столом стало просторнее и почему-то тише. Аюда собирала крошки в ладонь. Ива доедала уже неизвестно какой по счёту пирожок. Ника смотрела на Арви и ждала, хотя Арви ничего не обещала говорить.

— Я его вижу везде, — всё-таки проговорила Арви.

Слова вышли сами, и ей сразу стало стыдно. Она сжала чашку крепче.

— Митра? — тихо спросила Аюда.

— Везде. В мужчинах на причале. В актёрах в рекламе нейроснов, Ива, в твоих, кстати, тоже. В торговце фильтрами, ему лет семьдесят, и он вообще ни капли не похож, только голову наклоняет так же, когда слушает. Даже совсем непохожие чем-то напоминают. Иду по кольцу и всё время оборачиваюсь. Как дура.

Никто не засмеялся. Аюда положила крошки обратно на стол, будто забыла, зачем их собирала.

— А сегодня, — продолжила Арви и почувствовала, как снова сбивается дыхание, — у рынка. Мик там кардамон нюхал, а напротив стоял парень. Молодой совсем, и смотрел на меня так, будто прямо в внутрь меня. Будто я ему что-то… — Она не нашла слова. — Я чуть не кинулась к нему. Через весь проход. Потом тележка, люди, и его нет.

Она замолчала, и вдруг ей стало смешно, по-настоящему, до спазма в груди.

— Господи, — сказала она. — На ребёнка чуть не кинулась, он же, наверное, по возрасту как твои старшие, Ника.

И засмеялась. Смех вышел громкий и рваный, и одновременно по щекам потекло, горячо и много. Что из этого сильнее, понять не получалось, и остановить не удавалось ни то, ни другое. Она смеялась и плакала, вытирала ладонью мокрое лицо и опять хохотала, потому что это было нелепо: сорок лет, капитан, а реветь над чашкой из-за мальчишки у колонны.

Ива первая перегнулась через стол и молча забрала у неё чашку, пока она не разлила чай. Потом Аюда обошла стол и обняла её сзади, прижалась щекой к макушке, пахнущая тестом и вишней, и стала гладить по плечу, как гладят детей. Ника не встала. Она протянула руку через стол и накрыла её пальцы своими, сухими и прохладными, и держала так, не говоря ни слова.

— Это пройдёт, — прошептала наконец Аюда в её волосы. — Пройдёт, слышишь?

— Не обязательно. — Ива покачала головой. — И не надо, чтобы прошло. Пусть просто станет меньше.

Аюда посмотрела на неё укоризненно, но спорить не стала.

Арви выдохнула. Смех кончился первым, слёзы чуть позже. В голове было пусто и светло, как в отсеке после продувки. Она хотела сказать что-нибудь, что вернуло бы их к пирожкам и к Мику на двери, и почти придумала что, когда у Ники на запястье коротко пискнул коммуникатор.

Почти сразу запищал и Аюдин, на подоконнике, а следом из кармана пижамы отозвался Ивин. Три сигнала, один за другим, одной и той же тревожной ноты срочной ленты новостей. Коммуникатор Арви молчал: она отключила его ещё на «Стриже», и Мик об этом знал.

Ника посмотрела на запястье. Пальцы её на руке Арви чуть дрогнули.

— Что там? — спросила Аюда, не отпуская Арви.

Ника помолчала, перечитывая.

— Новости. Гаспра требует у Мойнаки выдать тело Митра Пароша, — сказала она ровно. — Для расследования.

Никто не ответил. Аюда так и стояла, обнимая Арви, и Арви чувствовала, как у неё замерли руки. Ива медленно вынула коммуникатор из кармана, посмотрела и положила экраном вниз. В стене гудела вентиляция. За переборкой у

соседей кто-то снова уронил кастрюлю, и звук прокатился по комнате и стих.

На столе высыхали пирожки, их всё-таки было слишком много.

2. Глава 2

Вначале был звук, и звук был у Вселенной, и Вселенная была звуком.

Он приходил в себя, если это можно было так назвать, ведь «себя» больше не существовало, и пытался отличить своё существование от остального звука. Ни света, ни тьмы не было, был только гул, огромный и ровный, и он был частью чего-то большого, но упрямо отделял себя от этого. Внезапно вокруг него что-то появилось. Стало формироваться зрение, и из темноты вылепливались отдельные очертания. Стало понятно, что это фигуры и что он сам становится такой же. Без веса и массы, но самостоятельной фигурой.

— Извини, Митр, мы не сразу поняли, что тебе проще начать общение в привычной форме.

Фигуры шевелились, и от них шёл направленный звук — старательная и не очень умелая имитация человеческой речи. Слова приходили правильные, ударения стояли на своих местах, но под каждым тянулся низкий хвост, как будто кто-то говорил в огромном пустом зале и не успевал дождаться, пока стихнет эхо.

Митр попробовал ответить и обнаружил, что отвечать нечем. Горла не было. Он подумал «где я» и услышал, как мысль прозвучала. Не голосом, а тоном, коротким и неуверенным, чуть выше общего гула. Мысль повисла, и фигуры

её приняли.

— Внутри, — сказала одна из них. — Ты называл это ядром. Твои люди называют хором. Нам подходит и то, и другое.

Фигур было пять или шесть. Посчитать точно не получалось: стоило задержать на одной внимание, как она расплывалась и становилась частью соседней, а потом снова собиралась. Лиц у них не было, только намёк на плечи и голову, как у людей, нарисованных на запотевшем стекле. Митр догадался, что их так изобразили для него. Из уважения или из удобства — разницы, пожалуй, не было.

Он подумал «я умер» и на этот раз постарался, чтобы тон вышел ровнее.

— Тело умерло, — ответили ему. — Его вынесло на берег. Ты — нет.

Последнее, что он помнил, была вода. Холодная, розовая на просвет, и соль, разъедавшая глаза. Потом соль кончилась, а холод остался, и Митр долго ещё помнил его, когда уже нечем было мёрзнуть. Сейчас он попробовал найти в себе руки, ту, которую ломал, и ту, которой держал чужую ладонь в медотсеке. Рук не было. Было ощущение, что он есть, и это ощущение звучало.

Он начал слушать.

Гул оказался не гулом. Чем дольше Митр в него вслушивался, тем больше в нём было слоёв, и каждый слой двигался по-своему. Где-то внизу тянулась длинная нота, такая низ-

кая, что раньше он принял бы её за дрожь палубы. Над ней складывались аккорды, медленные, тяжёлые, и Митр с удивлением понял, что каждый аккорд что-то значит. Не слово и не картинку, а мысль целиком, со всеми её доводами, уложенную в одно созвучие. Аккорд звучал, затихал, и на его месте появлялся следующий, который отвечал первому. Иногда между ними наступала пауза. Пауза была решением: что-то взвесили, выбрали и больше к этому не возвращались. А иногда два созвучия сталкивались, тёрлись друг о друга, и получался диссонанс, режущий, неприятный, долгий. Диссонанс был спором. Его не торопились разрешать.

— Вы спорите, — сказал Митр. Теперь у него получилось почти по-человечески.

— Мы всегда спорим, — ответила фигура, та, что стояла ближе. — Нас много.

— Сколько?

Фигура помолчала, и в этой паузе слышалось затруднение.

— Посмотри сам. Только неглубоко.

Он посмотрел. Или послушал, в этом месте одно не отличалось от другого. И тут же понял, почему его просили неглубоко.

Тембры. Их было больше, чем он мог сосчитать, и они были разные не так, как разные голоса в одном хоре, а так, как разнятся между собой инструменты, сделанные в разных мирах из разного материала для разных ушей. Один звучал сухо и коротко, как будто по натянутой жиле били костью. Дру-

гой тёк сплошной волной без начала и конца. Третий вообще едва укладывался в слух и ощущался скорее давлением. И всё это было одной партитурой. Каждая партия вела свою линию, но под ними держалась общая опора, решётка, на которую они были натянуты, и решётка эта гудела, принимая и раздавая звук.

— Вы не один народ, — сказал Митр.

— Мы не один народ. Твои люди дали нам одно имя, потому что видели нас только спящими. Спящие все похожи.

— Тихие.

— Тихие, — согласилась фигура, и в общем гуле прошла лёгкая рябь, похожая на смешок. — Хорошее слово. Мы тихие, пока спим.

Из того, что Митр успел расслышать, складывалось вот что. Каждый из этих тембров когда-то был расой, дошедшей до предела своего развития, — до той черты, за которой тела, планеты и звёзды стали мешать больше, чем помогать. Тогда они ушли в сон и, вплетя себя в общую решётку, где звучали теперь одним гулом, стали ждать. Их черёд должен был настать, когда Вселенная остынет и станет пригодна для чего-то следующего, о чём Митр не смог даже подумать, потому что для этого у него не было ни слов, ни аккордов. Они ждали, и сон их был долгим, а решётка была одна на всех.

Он отступил. Не потому, что испугался, а потому, что почувствовал, как начинает растворяться. Ещё немного, и его собственный тон, неуверенный и человеческий, утонул бы в

этой партитуре, как капля в баке.

— Хватит, — сказали ему мягко. — Ты ещё маленький.

Митр собрал себя обратно. Это оказалось труднее, чем он думал: пришлось вспоминать, какой он. Упрямый. Не умеет вовремя замолчать. Знает, как считать кислород на реанимационной койке, и не стесняется признавать свои ошибки при всех. Держал за руку женщину, которая забыла название пирога. С каждым воспоминанием фигура, которой он был, становилась чуть чётче.

И вместе с последним воспоминанием пришло то, что нужно было сказать с самого начала.

— Верните меня, — сказал он. — К Арви.

Аккорд, который как раз складывался где-то в глубине, оборвался.

— Ты понимаешь, о чём просишь?

— Понимаю. Хранители разучились хранить. Совет держит канал с охотниками Гаспры, я это видел. Они продают ваших спящих по кускам, жгут вас в каждом прыжке и считают, что так и надо. Кроме меня вас там никто не защитит. И её тоже.

Он сказал это быстро, без пауз, и сам услышал, как его тон режет общий гул. Диссонанс получился грубый, некрасивый. Фигуры не отстранились. Они слушали.

— Её ищут, — добавил он тише. — Она для них лоза. Они будут водить её от узла к узлу, пока не найдут всё, что им нужно, а потом…

— Мы знаем, — сказала фигура.

— Тогда верните.

— Это мы не можем.

Это было сказано без сожаления и без отказа. Как сообщают о погоде.

Митр хотел возразить и вдруг понял, что слышит больше, чем раньше. Пока он требовал, его тон натянулся, как струна, и потянулся наружу — туда, где решётка выходила к миру.

Он услышал озеро.

Не вспомнил, а услышал. Розовую воду Сиваша, медленный плеск у берега, соль, оседающую на камнях, и под всем этим знакомый голос ядра, теперь спокойный, усталый, тяжёлый, как человек после долгой работы. Где-то там, на берегу, было его тело, и рыбаки, и Мойнаки, и, может быть, она. Но озеро не давало подойти ближе, оно было просто звуком.

И одновременно с озером он услышал Тессу. Узел там спал беспокойно: в его звуке была трещина, неровная пульсация, как у сердца с перебоями. Через него шли корабли, и каждый проход отзывался крошечным провалом, пропущенной ступенькой в темноте. Митр различал каждый из них и слышал, как от узла отщипывают по маленькому куску и как кусок вспыхивает и гаснет.

А ещё он услышал что-то третье.

Далеко, так далеко, что «далеко» теряло смысл, в решёт-

ке было тёмное место. Не тишина, не отсутствие звука. Там звучало что-то густое и медленное, и Митр не мог понять, чей это тембр и есть ли у него вообще тембр. Оно оставалось на месте, тяжёлое и безучастное к нему. Оно просто было, и от его присутствия общая партитура в той стороне становилась ниже и осторожнее.

Озеро, Тесса и это тёмное звучали для него в один миг, рядом, на расстоянии мысли. Ни одно не было ближе другого.

— В хоре нет расстояний, — сказал Митр. Он не спрашивал.

— Нет, — согласилась фигура. — Ты быстро понял.

— Что это? Там, дальше.

Пауза. Долгая. И Митр понял, что она тоже решение: ему не скажут.

— Не сейчас, — ответили ему. — Ты слишком маленький, чтобы это вместить. Чтобы понять всё, надо стать частью хора. Пропустить через себя всё, что мы знаем. Тогда тебя не будет, будет хор.

— Я не хочу.

— Мы знаем. Поэтому ты пока не станешь частью. Поэтому мы с тобой говорим.

Он снова прислушался к Тессе, к перебоям узла. Каждый провал теперь отзывался в нём самом.

— Тогда расскажите, что можете, что я смогу понять. Я должен знать, кого защищаю.

И они рассказали. Конечно же не всё, но не потому что хотели скрыть, а потому что он не смог бы в себя вместить. Ему дали ровно столько, сколько он мог удержать, не расплываясь, и он чувствовал, как часть рассказанного всё равно ускользает, оставляя только общий рисунок.

Когда-то, задолго до сна, Тихие — те самые, кого ему теперь предстояло защищать, — не спали. Они ходили между мирами и встречали тех, кто был моложе. Молодые расы воевали, гибли, доводили свои планеты до края, и некоторые просили увезти их: не все, а те, кого довели войны, или те, кто просто не хотел больше жить там, где родился. И Тихие увозили. Без принуждения, только по согласию: кто хотел, тот уходил, кто хотел остаться, оставался. Увезённых расселяли по другим мирам, подходящим, пустым или почти пустым, и оставляли. Дальше ваше дело. Растите сами.

— Люди, вот почему мы находим одни и те же народы на разных планетах! — воскликнул Митр.

— Люди тоже. На Землю и на сотни других планет, в разных местах. Ты удивлён?

Он был удивлён меньше, чем ожидал. Скорее почувствовал, как что-то давно знакомое встало на место.

— Зачем вам это было?

— Ставки, — ответила фигура, и слово прозвучало почти по-человечески, с лёгкой иронией. — Нас мало, а мы ждём долго. Каждый посеянный народ — это надежда, это наша ставка. Если хоть один дорастёт до вершины, он придёт

к нам и встанет в хор как новый тембр. Пока мы спим, мы ждём, что кто-нибудь присоединится. И когда придёт время, мы вместе продолжим своё развитие, каждый голос в хоре — новая возможность.

— И много пришло?

На это ответила не одна фигура, а весь гул разом, и ответ вышел низким, протяжным, почти печальным. Митр понял его без слов. Мало. Очень мало. Редкие расы перерастают подростковые болезни. Большинство гибнет рано: в войнах, в жадности, в собственном огне, или от отсутствия амбиций к развитию. Гибнет, так и не узнав, что на него кто-то ставил.

— А люди Рукава жгут вас, чтобы прыгать от звезды к звезде, — сказал Митр. — Хорошая вышла ставка.

Короткий и острый диссонанс — то ли он спорил с ними, то ли они между собой, он не разобрал — потом разрешился.

— Поэтому ты нам нужен там. Мы это понимаем лучше, чем ты думаешь.

— Тогда верните. Я же прошу.

— Мы не умеем воскрешать тела. В нашем нынешнем состоянии мы почти ничего не можем сделать с миром вещей. Мы можем только звучать.

Митр замолчал. Тон его, только что натянутый, ослаб, и он почувствовал, как вокруг снова подступает партитура, ласковая, огромная. Здесь было бы легко остаться, перестать держать себя и стать ещё одним голосом.

— Но есть другое, — сказала фигура. — Мы можем по-

пробовать.

— Что?

— Поселить тебя в эмбрион, в того, у кого ещё нет своей личности. Мы никогда этого не делали, Митр. Гарантий нет, ни одной, это будет эксперимент.

Он слушал, и каждое слово ложилось отдельно, как камень.

— Тебе придётся расти заново, — продолжала фигура. — Жить заново. Это будет другой человек с памятью Митра. Если память вернётся. Мы не знаем, вернётся ли она.

— А если не вернётся?

— Тогда будет просто человек.

Они дали ему подумать, и пауза эта не была решением. Её оставили пустой, для него.

— Где? — спросил Митр.

Решётка повернулась, и он увидел, вернее услышал, ещё один узел. Не тот, что на Тессе, и не озеро. Этот звучал глухо, издалека, как будто из-за толстой стены. Узел спал внутри Куори, и вокруг него время шло иначе. Быстрее. Звук там был сжатый, торопливый, как запись, пущенная на ускоренной перемотке.

Узел Эрмиты прятался далеко за краем Рукава, в глубине огромной пустоты между скоплениями галактик, где на сотни миллионов световых лет почти не было звёзд. Вокруг него висела скорлупа Куори, полая сфера из отрицательной массы размером с целую звёздную систему. Митр понял это не

словами, а сразу целиком, как в хоре понимают всё. Обычная масса продавливает пространство и тормозит время, а эта скорлупа выгибала его в обратную сторону, и внутри время не замедлялось, а торопилось, в полтораста раз быстрее, чем снаружи. Свет чужих звёзд, пробиваясь внутрь, терял силу и краснел, поэтому небо над Эрмитой было закрыто красной вуалью.

— Эрмита, — сказала фигура. — Одна из наших ставок. Там люди и спящий узел. Очень закрытая система, далеко от всех. Мы думали, что она даст самую быструю цивилизацию: время идёт быстрее, мешать некому, они зашли в технологическом развитии дальше всех остальных и давно переросли опасный возраст, когда народы убивают себя сами. Это лучшее, что у нас есть.

— Через этот узел я смогу выходить к вам?

— Да. Если вспомнишь, как.

Митр ещё раз прислушался к Эрмите и услышал торопливый, чужой звук, в котором не было ни одного знакомого тембра, никого из тех, кого он знал.

И тогда он услышал её.

Сначала он принял этот голос за Арви и рванулся к нему так, что вся его фигура дрогнула. Тембр был почти тот же: низкий для женщины, с хрипотцой на краях. Но потом он понял, что голос старше. В нём было больше пауз, и паузы были спокойнее. Арви так не умела.

Фигура вышла из общего гула медленно, как выходят из

воды. Она была чётче остальных — плечи, руки, наклон головы, — и Митр узнал его раньше, чем из тумана проступило лицо.

— Ильва, — сказал он.

— Здравствуй, Митр.

Она подошла ближе. Здесь не было пола, и шагов не было, но она двигалась так, будто шла по берегу и осторожно ставила ноги между камней.

— Я долго тебя слушала, — сказала она и как будто улыбалась, — ты громкий.

— Вы были здесь всё это время?

— С тех пор, как ушла в озеро. Мне здесь не тесно, а вот тебе будет мало места, ты не такой.

Он хотел спросить так много, что вопросы толкались и мешали друг другу, а в итоге спросил одно:

— Вы слышали её?

Ильва помолчала. Потом её тон стал мягче.

— Слышала. Она жива. Она на корабле, со своими. Ей больно, и она пока не знает, что с этим делать.

— Я должен быть там.

— Ты будешь, — сказала Ильва. — Не сразу, и не так, как хочешь, и возможно, ты больше не будешь с ней, но я прошу тебя, защити её.

Он почувствовал, что она права, и от этого стало очень больно, настолько больно, что боль выплеснулась звуком.

— Если я соглашусь, — сказал он, обращаясь уже ко всем,

— сколько это займёт?

— Там, на Эрмите, ты проживёшь много лет, — ответила фигура, та, первая. — Здесь пройдёт меньше. Мы не можем сказать точно, разница во времени между нашими мирами — значение не постоянное.

Митр думал. Если это можно было назвать «думал»: аккорды в нём складывались и распадались, сталкивались, спорили, и он наконец понял, как это у них устроено, потому что спорил сам с собой и слышал свой спор. Отказаться — значит остаться здесь, в огромной, спокойной музыке, и смотреть, как Рукав жжёт спящих по кускам, как совет держит свой канал, как её водят от узла к узлу. Согласиться — значит, может быть, никогда больше не вспомнить, кто такая Арви. Вырасти кем-то, кто будет жить на чужой планете и не узнает, почему иногда просыпается от звука, которого никто больше не слышит.

Хор не торопил, и диссонанс тянулся долго.

Потом он разрешился. Тихо, без нажима, одной короткой паузой.

— Я согласен, — сказал Митр.

Никто не стал переспрашивать. Фигуры начали расплываться, возвращаться в общий гул, и вместе с ними что-то стало происходить с ним самим. Его тон истончился, стал уже, плотнее, будто его сматывали в тугой клубок. Озеро Сиваша ушло куда-то вбок и затихло. Перебои Тессы стали едва слышны. Тёмное далёкое место осталось там, где было, и

не шевельнулось.

Остался только торопливый звук Эрмиты, подступавший всё ближе, и ещё один, совсем маленький, почти неразличимый: чужое сердце, очень быстрое.

Ильва была рядом до последнего. Он больше не видел её, смотреть было уже нечем, но слышал, как её тон держится возле его собственного, не смешиваясь и не вплетаясь, лишь не отходя, как не отпускают руку того, кто засыпает.

— Митр, — произнесла она уже почти издалека.

Он хотел ответить, но ответить уже не получилось.

— Береги её.

3. Глава 3

Ирма пришла сама, и это было первое, что показалось Арви странным. Ирма никогда никуда не приходила, наоборот, все шли к Ирме в медотсек, в её единственную на весь борт отдельную каюту, а если очень надо, то в коридор, где она стояла с кружкой и смотрела с таким выражением лица, что человек достаточно быстро догадывался, что пора уйти. А тут она постучала в приоткрытую капитанскую дверь, дождалась, когда та откатится, и не вошла, а остановилась на пороге, держа в руках что-то плоское, завёрнутое в медицинскую салфетку.

— Можно? — спросила она.

Арви сидела на койке с ведомостью Пица на коленях и третий раз складывала одну и ту же колонку. Колонка не сходилась на сорок крон, и это почему-то было очень важно.

— Конечно. Садись.

Ирма села на откидной стул, положила свёрток на стол и развернула салфетку. Под ней лежал планшет, старый, с затёртым углом, в который Митр, читая, утыкал большой палец. Арви узнала планшет раньше, чем поняла, что это он, и на секунду ей стало трудно сидеть ровно.

— Он просил отдать, если не вернётся, — сказала Ирма. — Ещё на Сиваше. Я его тогда отругала, что он ерунду говорит, а он сказал: «Вот и хорошо, значит, тебе будет легко

держать его у себя и не открывать». Конечно же я не открывала.

— Почему ты, а не… — Арви не договорила. Не ей же. Не отцу.

— Потому что я старая и меня трудно удивить, — сказала Ирма. — И потому что я врач. Он считал, что врач отдаст вовремя: не в первый день и не через год.

— А сейчас это самое время?

Ирма помолчала, глядя не на неё, а на салфетку, которую аккуратно складывала вчетверо.

— Ты вчера сама поела, — сказала она наконец. — Мик доложил. Два раза и по собственному желанию. Значит, вовремя.

Арви засмеялась, потому что это было похоже на правду и потому что смеяться было проще, чем взять планшет. Потом всё-таки взяла. Он был тёплый от Ирминых рук, экран загорелся без ключа: Митр снял блокировку заранее. Это она тоже отметила, что он позаботился, чтобы никому не пришлось ничего взламывать.

Она ждала письма и даже знала, каким оно будет: коротким, неловким, без единого лишнего слова, но там обязательно будет что-нибудь, за что можно держаться ночью. Пальцы у неё стали холодными, и она нарочно медленно открыла единственный файл на главном экране.

Файл назывался «Если придется выкручиваться без меня».

Первым пунктом шёл Дарен.

«Дарену я все передал раньше. Нельзя сидеть на Сиваше. Гаспра вернётся к озеру, и первым делом к вам. На астероиде у Феоды есть научный институт, частный, там работают многие старые сотрудники Гаспры, вы с Ирмой даже кое-кого знаете. Контакты ниже. Хорошо бы улететь сразу, вещи можно не собирать, всё нужное купите на пересадке на Феоде. Вам необходимо продолжать работу по кристаллам и кружеву. Мои записи в папке „Сиваш“, полевые, неполные, исправлять смело. Кашель надо лечить, и это не шутка».

Дальше шли адреса, имена, какие-то цифры, расписание попутных бортов до Феоды, и всё это было разложено так аккуратно, будто он составлял грузовой манифест. Арви пролистала вниз, потом ещё вниз, пропустила список литературы, таблицу с замерами на озере. Признаний не было. Прощания не было. Не было даже её имени с заглавной буквы где-нибудь в середине фразы, как бывает, когда человек пишет и вдруг вспоминает, кому пишет.

Её имя стояло в начале второго пункта, так же, как имя отца в начале первого.

«Арви. Ласпи. Договориться о защите от Гаспры: им это выгодно, нужно только, чтобы они это увидели. Поддержать работу Дарена в институте, деньгами или прикрытием, лучше и тем и другим. Говорить с ними лучше на их языке: исследования — это путь к новым кристаллам, больше кристаллов — больше влияния. Это они точно купят».

И ниже, отдельной строкой, с отступом, будто он отодвинул её от остального текста локтем:

«Ласпи нужно выдавать не всё, им просто не нужно знать всё. Они в первую очередь преследуют свои цели, а их цель — влияние. Решать, что именно отдать, — тебе. Ты лучше знаешь, сколько стоит каждая вещь».

Арви прочитала это два раза, а потом ещё раз — только последнюю фразу. Ирма сидела тихо и ничего не спрашивала.

— Он мне задание оставил, — сказала Арви. Голос получился какой-то чужой, и она откашлялась. — Ты понимаешь? Он умер, а мне — задание со списком.

— Понимаю, — сказала Ирма.

— Отцу — лететь, мне — договариваться, Ласпи — не всё. Всех расставил по шахматной доске и свалил. — Арви ткнула пальцем в экран так, что тот мигнул. — И ни слова. Ни одного слова, Ирма! Хоть бы «береги себя» написал, для приличия.

— Он не писал здесь для приличия. И мне кажется, он искренне считал, что у него всё получится, и дал вам список дел на время его отсутствия.

— Знаю.

Она знала. В этом-то и было дело. Она сидела с его планшетом на коленях и злилась на него так, как не злилась все эти недели, когда вывалить всю свою ярость было не на кого: на озеро же не выльешь свой гнев. А тут он был — в каж-

дой строчке, в этих коротких глаголах без «пожалуйста», в «кашель лечить, это не шутка», в том, что он даже не стал решать за неё, что отдавать Ласпи, а сказал: решать тебе. Вот так он и на «Кантипе» делал, и потом в каждом деле — разложит, кому что нести, и отступит в сторону. И ты стоишь со своим куском, тяжёлым, неудобным, а бросить нельзя, потому что он тебе его доверил.

Злость была горячая и почему-то лёгкая. Арви вдохнула глубоко, до самого дна, где все эти недели сидел колючий ком, и впервые за много дней не стала считать вдохи.

— Он вам с Дареном говорил, что там? — спросила она.

— Говорил, что-то для Дарена в основном, — ответила Ирма. — Что ты и так разберёшься, а отец без пинка не уедет. Мы с ним много про это говорили, про другой способ… Ну, ты знаешь. Он хотел, чтобы это не кончилось на нём. Он Хранитель, Арви, он с детства учился беречь Тихих, он продолжает их беречь и после смерти.

Ирма встала, сунула сложенную салфетку в карман и у двери обернулась.

— Колонка у тебя не сходится на сорок крон, потому что Пиц внёс картриджи два раза, — сказала она. — Я видела, когда подписывала. Иди к отцу.

* * *

Дарен читал внимательно, держа планшет на вытянутой руке, как держат что-то горячее. Кашлянул, потом ещё раз, досадливо, и Арви увидела, как он дошёл до строчки про

кашель, потому что лицо у него сначала обиделось, а потом сморщилось, и он отвернулся к иллюминатору.

— Он мне уже изложил все вкратце, — сказал Дарен глуховато. — Он связался с людьми в лаборатории, они меня ждут. Ирма уже пакует свои исследования для них.

— Ага, — сказала Арви.

Больше они об этом не говорили. Через два дня Дарен улетал к Феоде попутным рудовозом, с одной сумкой, потому что вещи, как было сказано, не было времени собирать. Арви проводила его до шлюза, поправила ему воротник — застёгнутый, конечно, не на ту пуговицу — и перестегнула. Он позволил. На прощание сунул ей в руку свой старый блокнот с формулами, которые она не понимала, и сказал, что это копия, оригинал при нём. Это было его «береги себя», и она его так и поняла.

Вечером она открыла в планшете Митра новую страницу, ниже его пунктов, и написала: «Вальд». Посидела, глядя на это слово, и дописала: «Что им нужно. Что мне нужно. Что я не скажу». Получилось три колонки, как в ведомости у Пица. Колонка «Что я не скажу» вышла самой длинной.

* * *

Кружка у Мика была синяя, с наполовину отбитой ручкой, и раньше она жила в камбузе, на крючке над плитой, рядом с половником. Когда она переехала на полку в капитанской каюте, никто не заметил. Арви сама заметила не сразу: однажды утром потянулась за своей, а там стояли две, и синяя

смотрела на неё сколом, как ни в чём не бывало.

Мик у неё не жил. У него была своя каюта, которую он, из-за близкой дружбы с капитаном, не делил ни с кем, свой шкаф и своя полка. Просто так получалось, что в последнее время после вахты он шёл не туда, а к ней, сначала будто бы занести ей чай, потом будто бы проверить, спит ли она, а потом уже без всяких предлогов. Он боялся оставить её одну. Утром обычно уходил пораньше — готовить завтрак. Никто ничего не объявлял, и Арви это устраивало. Объявлять было нечего: Мик был Миком, сколько она себя помнила, и то, что теперь он спал с её стороны двери, а не с той, казалось ей не новостью, а просто ещё одним способом ощутить себя в порядке.

Корабль, понятно, думал иначе. На «Стриже» тайна держалась ровно до первой пересменки.

На пересменку набились все, кто был на борту в маленький камбуз. Мик стоял у плиты спиной к столу и мешал что-то в большой кастрюле, пахнущее луком и почему-то корицей. Арви сидела в торце, с планшетом, и делала вид, что читает сводку с Тессы, а на самом деле наблюдала, как Пиц пытается незаметно отодвинуть от себя тарелку с варёной морковью.

— Капитан, — сказала Мару с другого конца стола громко и очень дружелюбно, — а можно вопрос? Чисто технический.

— Можно, — сказала Арви, не поднимая глаз.

— У вас там переборка тонкая или это мне кажется? Мы с Баженой вчера весь вечер слушали. Странная у вас дружба, говорю, шумная какая-то, и всё больше по ночам.

Кто-то фыркнул в кружку. Ленни подавился, и Гвидо заботливо постучал его по спине, сам при этом трясясь изнутри от смеха. Бажена сделала лицо, по которому было видно, что она тут вообще ни при чём и ничего не слушала, разве что совсем немножко. Арви почувствовала, как краснеют уши, и это её разозлило: ей сорок лет, она капитан, она таскала людей из горящих станций, и краснеть ей не пристало.

Мик не обернулся. Он постучал ложкой о край кастрюли, попробовал, подумал и сказал в пар:

— Сексом дружбу не испортишь.

Тут уже заржали все, даже Тобиаш, который обычно смеялся одним углом рта. Мару подняла руки, сдаваясь. Мик посолил, накрыл кастрюлю крышкой и только тогда повернулся, совершенно невозмутимый, с полотенцем через плечо.

— Пиц, морковку ешь, — сказал он. — Я видел! Тебе Ирма овощи прописала!

И всё. Больше никто ни о чём не спрашивал. Арви смотрела на него поверх планшета и думала, что вот это и есть Мик: одна фраза, и то, что могло превратиться в неловкость на неделю, превратилось в смешную историю, которую будут рассказывать новичкам. Она не могла вспомнить, когда он научился так делать. Наверное, всегда умел, а она не обра-

щала внимания.

* * *

Фриша поймала её после пересменки в коридоре, где вдвоём можно было разойтись только прижавшись к стене. Фриша прижиматься не стала, а встала поперёк и спросила:

— Капитан, а можно серьёзно?

— Серьёзно — это как Мару, или по-настоящему?

— По-настоящему. — Фриша покраснела, но не отступила. — Как вы вообще относитесь… ну, к отношениям на корабле? Я не про вас. То есть про вас тоже, но я в целом. Есть какие-то правила? Я на других бортах слышала, где запрещают совсем, а где капитан должен разрешение давать…

Арви прислонилась к стене. Ночные полосы вдоль пола уже горели, хотя до ночи было далеко, Бажена опять что-то перенастроила.

— Разрешение я давать не буду, — сказала она. — Ещё не хватало. Спи с кем хочешь. Только без каких-то ожиданий и без споров. Пошла ночевать к кому-нибудь из экипажа — не жди ничего, кроме этой ночи. Захочется чего-то ещё — договаривайтесь словами, днём, на трезвую голову. А если утром будет просто доброе утро и кофе, значит, так и есть, и никто никому ничего не должен. Тогда на корабле будет мир.

— А если кто-то обидится?

— Если кто-то обидится — это его дело. Пока он не тащит свою обиду на пересменку и в шлюз, — сказала Арви. — Нас четырнадцать в консервной банке, Фриша, нам ещё

друг друга из пожара вытаскивать. Это главное. А в чужую постель лезть — вообще не дело капитана. Я не полезу.

Фриша кивнула, подумала и вдруг улыбнулась так, что Арви сразу расхотелось знать, к кому относился этот вопрос.

— Спасибо. Я просто… чтобы понимать.

— Понимай, — сказала Арви и отлепилась от стены. — И не гаси ночные полосы, это не моё распоряжение, это Бажена настояла.

Фриша ушла по ходу вращения, и шаги у неё были лёгкие, хотя по ходу идти обычно тяжелее. Арви постояла ещё немного, недоумевая, что там у её экипажа вообще-то происходит. Она думала, что сказала всё правильно и что никаких сторонних ожиданий у неё самой нет, только доброе утро и кофе. Мысль была спокойная и ничем не цепляла. Арви пошла к себе, дописывать третью колонку для Вальда.

* * *

Лампу Мик купил на Сиваше, на рынке у причала, пока она лежала в медотсеке. Принёс потом в коробке, перевязанной розовой лентой с какой-то солевой коркой на узле, и сказал, что это для неё, что она встаёт как раненый тяж, с проклятиями, и пусть хоть раз проснётся по-человечески. Арви тогда сунула коробку под койку и забыла. Мик не забыл. Через неделю коробки под койкой не оказалось, а над изголовьем появился матовый полукруг, похожий на половину луны, и Мик долго возился с проводом, бормоча, что Бажена его убьёт за неучтённую нагрузку.

Работала лампа так: за полчаса до подъёма начинала светлеть, сначала серо, потом розово, точно так, как светлело над Сивашем над соляным озером, — Арви это знала, она этот закат запомнила всеми органами своих чувств. И одновременно включался крохотный вентилятор, гнавший тёплый воздух с запахом йода и мокрой соли. Мик утверждал, что запах настоящий, с озера, в патроне. Арви подозревала, что это химия, и проверять не хотела.

В то утро она проснулась от розового.

Свет лежал на одеяле, на стене, на синей кружке на полке. Пахло водорослями и чем-то сладковатым, как пахло на берегу, если долго стоять у воды. Вентилятор лампы шелестел почти неслышно, под ним гудел обод, как гудел всегда, и Арви какое-то время лежала, не понимая, где она, и не желая понимать. Ей было тепло. Впервые за все эти недели она проснулась и не вспомнила сразу, что Митра нет. Вспомнила потом, через минуту, и это было тоже не так, как раньше: не ударом в живот, а как вспоминают о погоде за окном — там холодно, да. Значит, оденься.

Мик спал рядом, на спине, хотя всегда засыпал лицом к стене. Одеяло он с себя сбросил, майка задралась, и он сопел носом, тонко, с присвистом, как сопел, наверное, ещё в рое, когда им было по семь и их иногда укладывали в одной спальне, если они заиграются и уснут. Розовый свет ложился ему на лицо, и Арви вдруг увидела это лицо, как видят чужое на улице: узкий нос, длинные веки, тонкие губы, впалые

виски. Тонкое, какое-то благородное лицо, она всегда дразнила его за это. И руки — одна лежала на одеяле, раскрытой ладонью вверх, большая, тяжёлая, с ожогом на большом пальце от той самой кастрюли и с мукой, которую он не до конца отмыл. Руки грузчика при лице музыканта. Она тысячу раз это видела и ни разу не смотрела.

Что-то сжалось у неё в груди, тепло и больно одновременно. Ей стало его жалко — до слёз, без всякой причины: за этот свист носом, за муку под ногтем, за то, что он стоял ночью у её двери и не стучал, за то, что тренировался у Мару и впервые подтянулся и радовался этому, как мальчишка, за то, что купил ей лампу, чтобы она хоть раз проснулась по-человечески, и не сказал, что это ради неё, а сказал, что она ругается. Он всё время что-то ей приносил. Пирог, чай, одеяло. Кружку на полку. А она брала, как берут воздух из регенератора: не замечая, потому что он есть и всегда будет.

Ей стало стыдно, так остро, что она закусила губу. Как будто ей двадцать лет носили подарки, а она принимала их не глядя, использовала не глядя. Он был её опорой, её роем и частью её существа.

Арви приподнялась на локте и посмотрела на него ещё, теперь уже нарочно, медленно, стараясь запомнить, хотя запоминать было нечего: она знала это лицо всю жизнь. И не знала совсем. Нежность поднималась в ней волнами, тёплыми и бессмысленными, от которых хотелось то ли плакать, то ли смеяться, то ли трогать его за всё подряд. Она накло-

нилась и поцеловала его — в висок, туда, где начинались волосы.

Мик перестал сопеть. Открыл один глаз, потом второй, посмотрел на неё снизу, на розовый свет за её плечом и спросил хрипло:

— Работает?

— Работает, — сказала Арви и поцеловала его ещё раз, теперь в губы.

Ничего не спрашивая, он поднял руку, ту самую, испачканную мукой, и положил ей на затылок, осторожно, будто боялся помять, и она, благодарная ему за это молчание, прижалась к ладони и подумала, что та горячая и что она этого раньше не знала. Хотя знала, конечно, сто раз знала. Всё, что было между ними раньше, ночи, о которых шутила Мару, вдруг куда-то ушло, будто их и не было, будто это было с кем-то другим, по-дружески, наспех, в темноте, когда не смотрят. А сейчас был розовый свет, и она смотрела. Смотрела, как он стягивает майку и путается в ней, и смеялась, и помогала, и целовала его в плечо, в ключицу, в шрам на рёбрах, про который она знала, откуда он, — с той аварии в доках, когда им было по шестнадцать, — и только сейчас поняла, что ей до сих пор за него страшно.

Он был медленный и очень бережный, и всё время смотрел ей в лицо, будто проверял, здесь ли она. Она была здесь. Ей не хотелось быть нигде больше. Всё было впервые: его тяжесть, его дыхание у её шеи, его рука на её спине, широкая,

накрывающая почти всю лопатку. Обод гудел, пахло йодом и солью, и где-то за переборкой лязгнул лифт в спице, а ей было всё равно, слышно их или нет.

Потом она лежала у него на плече, и розовый свет уже стал почти белым, как и положено настоящему утру. Мик гладил её по волосам и молчал. Арви смотрела на синюю кружку с отбитой ручкой и думала, что она его любит. Не только как друга, не только как брата из роя, не только как стенку, к которой привалиться, когда совсем плохо, а вот так. Как мужчину. И, кажется, всегда любила, только не знала, что это называется так, потому что ждала, что любовь должна быть похожа на пожар, а она была похожа на свет над соляным озером, который включается сам, каждое утро, и ты думаешь, что так и надо.

— Мик, послушай, — сказала она.

— М?

Она хотела сказать. Слова были простые, она их знала. Но он повернул голову, посмотрел на неё сонно и так спокойно, что она поняла: можно и потом. Он никуда не денется. Он вообще ни разу никуда не делся.

— Сколько до вахты? — спросила она вместо этого.

— Двадцать минут, — сказал Мик, не глядя на часы. — Лампа же. Я её на полчаса раньше поставил.

— Зачем?

— Затем, — сказал он и закрыл глаза, улыбаясь. — Чтобы успеть.

4. Глава 4

Ночи на Эрмите не бывают чёрными. Лиэна знала это с детства, как знала, что вода мокрая, и никогда об этом не думала. Солнце уходило за холмы, и небо из бледно-розового становилось густым, тёмно-красным, цвета вина, которое слишком долго простояло в открытом кувшине. Бабушка говорила, что это мир налит в чашу, а чаша старая и потемнела изнутри. В школе учили иначе: какая-то пыль, какие-то слои, какая-то оптика, Лиэна сдала это и забыла. Звёзд почти не было. Две-три тусклые точки над самым горизонтом в ясную ночь, их знали по именам и загадывали на них желания.

В ту ночь она не спала из-за жары. Рядом ровно дышал Сарет, а через стенку ворочалась во сне их трёхлетняя дочь, пока не затихла. Лиэна лежала и смотрела, как из окна ползёт винный отсвет по керамическому потолку, который они отливали сами, когда строили дом. В одном углу глазурь легла волной, потому что Сарет тогда торопился. Она разглядывала этот изгиб каждый вечер и всякий раз собиралась сказать, что угол надо переделать.

Потом волна исчезла, потому что исчез потолок.

Не было ни вспышки, ни звука. Просто в комнате стало светло, как днём, только без солнца, без теней, свет шёл отовсюду сразу. И в нём стояли фигуры. Лиэна потом пыталась их посчитать и не смогла: три, может, пять, а может, одна, но

очень большая. У них не было лиц, но она точно знала, что они на неё смотрят. И ей не было страшно, вот что удивило её больше всего. Ей должно было быть страшно до крика, а она лежала и ждала. Одна фигура наклонилась к ней и положила невесомую руку на ее живот.

Голос она услышала не ушами. Он прошёл через рёбра, через живот, через кости таза, низкий, ровный, как самая нижняя труба большой итании в городском зале, которую больше чувствуешь, чем слышишь. Слов в нём сначала не было, а потом слова появились, будто она сама их у себя внутри нашла:

«Ваш ребёнок будет особенный. Он может стать спасителем спящих».

Лиэна хотела спросить, какой ребёнок, у неё нет никакого ребёнка, но вместо вопроса положила ладонь на живот, и под ней было тепло.

«Растите его как обычного. Не пугайтесь, если что-то в нём будет необычным».

И свет ушёл. Он утёк, как вода в песок. Потолок вернулся на место вместе с кривой глазурью, и винный отсвет снова пополз по углу.

Лиэна лежала и боялась пошевелиться. Потом услышала, что Сарет тоже не спит. Он дышал часто и неровно, как после бега.

— Ты видела? — спросил он в темноту.

Она повернулась к нему. Он сидел на кровати, обхватив

колени, и вид у него был такой, словно его только что вытащили из реки.

— Свет, — сказала Лиэна.

— Свет. И… — Он запнулся. — Сколько их было?

— Не знаю. Я считала и сбилась.

— Я тоже сбился. — Сарет вдруг коротко рассмеялся, нервно, с облегчением. — Я думал, я с ума сошёл. Лиэ, а голос? Ты голос слышала?

— Как итанию, на которой играет папа, — сказала она. — Нижний регистр.

— Да. Да! Вот здесь. — Он постучал себя кулаком по груди. — Я его настраивать полез бы, честное слово, если бы мог пошевелиться. Это было ниже любой трубы, какую я ставил.

Сарет делал музыкальные инструменты. Из плотного дерева, которое растили на северных склонах по сорок лет, из стекловолоконных струн, из керамических резонаторов. Итанию в городском зале он не строил, но чинил ее дважды, и про нижний регистр знал всё. Если он говорил, что ниже, значит, ниже.

— Что он тебе сказал? — спросила Лиэна. Ей нужно было услышать это от него, своими словами, прежде чем повторять своё.

Сарет помолчал.

— Что наш ребенок будет особенный — Он посмотрел на неё в полутьме. — Что он может стать спасителем спящих.

Но наша девочка совершенно обычная!

— Может быть позже что-то проявится. А вдруг… А вдруг я беременная?

— Да ты что, тебя бы уже тошнило вовсю. Чертовщина какая-то.

— И каких спящих?

— Не знаю.

— И ещё, — сказал он медленно, — растить его как обычного. И не пугаться.

Лиэна кивнула. Они сидели рядом на кровати и сверяли по пунктам, как проверяют счёт в лавке: был ли свет тёплым или холодным (ни то ни другое), видел ли он лица (нет). Почувствовал ли он, что на него смотрят? Да, и очень внимательно, так разглядывают заготовку перед тем, как резать. Сошлось всё, кроме одного: Сарету показалось, что фигуры уходили медленно, а Лиэне — что сразу. Над этим расхождением они почему-то препирались дольше, чем над всем остальным, и от этого ей стало легче. Раз они спорят о мелочах, значит, главное оба видели одинаково.

— Может, нам приснилось, — сказал Сарет под утро. — Одно и то же. Так бывает?

— Не бывает.

— Не бывает, — согласился он.

Через восемь дней врач из мэрии, пожилая и очень практичная женщина, приложила к животу Лиэны керамическую чашечку с реактивом, посмотрела, как он меняет цвет, и по-

здравила. Срок, сказала она, совсем маленький, пара недель, не больше. Лиэна прикинула в уме и ничего не сказала.

* * *

Мальчик родился в конце сухого сезона, ночью, и ночь эта была самой обыкновенной, винной, с двумя тусклыми звёздами над холмом. Никакого света, никаких фигур. Лиэна, честно говоря, ждала хоть чего-нибудь и даже немного обиделась.

Он был красный, сморщенный, орал басом и вцепился в её палец так, что врач засмеялась. На Сарета он был похож носом, на Лиэну ушами, а глаза у него были мутные и синие, как у всех новорождённых. Самый обычный ребёнок. Их ребёнок, в этом не было никакого сомнения, она узнавала в нём и бабкин подбородок, и складку на лбу, которая бывала у Сарета, когда тот сердился.

Имя выбирали долго: Сарет хотел назвать сына в честь деда, Лиэна — ничьим именем, просто чтобы звучало. Наконец он взял мальчика на руки, походил с ним по комнате и сказал:

— Альсар.

— Почему?

— Не знаю. Звучит хорошо. По-моему, он и есть Альсар, особенный.

Мальчик на руках у отца перестал хныкать. Лиэна решила, что это совпадение, и согласилась. Альсар Инноис. Звучало.

* * *

Первое обследование было обязательным для всех младенцев и проходило в городской лечебнице на втором месяце. Длинное здание из светлой вспушенной керамики, коридоры, гладкие, как внутренность раковины, запах травяного дезинфектора. В смотровой стоял аппарат, похожий на большую прозрачную ванну, пронизанную стекловолокном: младенца клали внутрь, и по волокнам бежал свет, складываясь на стене в картинку.

Альсара положили. Он не плакал, смотрел на бегущие огоньки и, кажется, следил за ними. Лиэна стояла рядом, Сарет у двери, потому что у двери было место.

Врач, молодая женщина с короткой стрижкой, сначала смотрела на картинку спокойно, потом наклонилась ближе. Она попросила лаборанта перезапустить, а после проделала это сама.

— Подождите минуту, — сказала она, не оборачиваясь.

Лиэна посмотрела на Сарета, и он ответил ей взглядом. Оба знали, что сейчас будет, и всё равно у неё вспотели ладони.

На стене светилась картинка детского тела, полупрозрачная, как вырезанная из розового стекла. Вдоль позвоночника, по рукам, по шее, в голове тянулись нервы, и всё это было знакомо по учебнику. Незнакомым было другое. Вдоль каждого нерва, тонко, как иней на ветке, шло что-то ещё. Светлое, разветвлённое, с узлами в местах развилок. Оно не ле-

жало рядом с нервами, оно было в них вплетено, и от этого вся картинка походила на кружево, которое кто-то очень терпеливо вывязал по живому.

— Я такого никогда не видела, — сказала врач наконец. Она повернулась к ним, и Лиэна заметила, что та старается говорить ровно и у неё это плохо получается. — Это не опухоль, у опухоли другая плотность. И не воспаление. Похоже на какую-то субстанцию, встроенную в нервную ткань по всей длине, и структура у неё слишком правильная для случайного роста.

— Ему больно? — спросила Лиэна.

— Не похоже. Реакции у него в норме, все до одной, я проверила дважды. Рефлексы, зрачки, хватательный. Он здоров, как… — она запнулась, — как здоровый ребёнок. Но я обязана отправить снимки в столичный институт. Нужны повторные обследования, каждый месяц, может, чаще. Пункция, если разрешите, чтобы понять, из чего это сделано…

— Нет, — сказал Сарет от двери.

Врач растерянно посмотрела на него.

— Простите?

— Никаких пункций. И институтов. — Сарет подошёл, встал рядом с Лиэной. Говорил он тихо, а пальцы у него были сжаты, она видела. — Вы сами сказали, он здоров.

— Сейчас здоров. Мы не знаем, что будет, когда он вырастет. Мозг у младенца незрелый, гиппокамп, кора ещё формируются, и если эта структура как-то связана с их развити-

ем… — Она замолчала и вдруг спросила совсем другим тоном: — Вы не удивились. Вы оба. Почему вы не удивились?

Лиэна вынула сына из прозрачной ванны. Огоньки на стене погасли, кружево исчезло вместе с ними. Альсар сонно ткнулся носом ей в шею, и от него пахло молоком и тёплой макушкой.

— Нам сказали, что он будет особенный, — ответила она. — И что не надо пугаться.

— Кто сказал?

Лиэна не знала, как ответить на это честно, а врать не хотела. Поэтому промолчала. Врач долго смотрела на неё, потом на Сарета, потом устало потёрла переносицу.

— Я обязана записать, что вы отказались от дальнейшего обследования, — сказала она.

— Записывайте, — сказал Сарет.

Она записала. На пороге смотровой, когда они уже выходили, врач вдруг сказала им в спину:

— Если что-нибудь… если он будет странно себя вести, придите ко мне. Просто ко мне, без всяких институтов.

Лиэна обернулась и кивнула. Больше они к ней не приходили, потому что не понадобилось.

* * *

Сарет потом много думал о том дне. Не о снимке, снимок он принял сразу, как принимают новость, которую давно ждали. Думал о словах врача: мозг незрелый, кора, гиппокамп. Вечерами, когда дети засыпали, он брал из городской

читальни книги по детскому развитию, толстые, на шершавой волокнистой бумаге, и читал, шевеля губами, как читал когда-то трактаты по акустике.

Получалось вот что. Младенец почти ничего не может удержать надолго. Не потому, что глупый, а потому, что держать нечем, та часть, которая складывает день к дню и делает из них память, созреет только через несколько лет. А до тех пор ребёнок живёт в настоящем: тепло, холодно, мама, свет, голод.

Сарет закрывал книгу и смотрел на сына, спящего в плетёной колыбели, и думал про камертон. Хороший камертон, если его ударить, держит ноту очень долго, дольше, чем кажется. Но камертон сам по себе ничего не сыграет. Нужен инструмент, нужен резонатор, нужны руки. Если в его сыне вплетено что-то, что хранит какую-то ноту, то сыграть её пока не на чем. Откуда эта мысль, он не знал, и ничем её подтвердить не мог. Просто так ему думалось, и однажды он сказал это Лиэне вслух.

— Какую ноту? — спросила она.

— Не знаю. Ту, наверное. Нижнюю.

Лиэна долго молчала, потом сказала:

— Он же наш, Сарет. Он совсем наш. Я каждый день смотрю.

— Наш, — согласился он. — Я разве что говорю.

Он и не спорил. Альсар был их сыном так же, как старшая, и это было видно всякому, кто давал себе труд посмотреть.

Он орал по ночам, путал день и ночь, тянул в рот всё подряд, включая отцовские струнные колки, и однажды проглотил керамическую бусину, после чего вся семья двое суток с нетерпением ждала, когда она выйдет.

Странное в нём было, но такое, что замечаешь, только если ждёшь. Он по-особенному слушал. Сарет настраивал в мастерской какой-нибудь альт, и годовалый Альсар, только что занятый кубиками, замирал и поворачивал голову, и лицо у него делалось сосредоточенное, совсем не детское. Он любил воду и подолгу смотрел, как она блестит. Когда на закате пруд за домом становился розовым, его невозможно было оттуда увести, он стоял на берегу и смотрел, пока не начинал зевать. И цвета, он очень рано стал различать цвета, задолго до того, как узнал их названия, и плакал, если ему давали не ту чашку, хотя чашки отличались разве что оттенком глазури.

К трём годам он заговорил целыми фразами, болтал без умолку и задавал по сто вопросов в час.

В тот вечер Сарет сидел на кухне и строгал заготовку для грифа, а Лиэна мыла посуду. Альсар сидел на полу между ними и возил по доскам деревянную лодку. Старшая уже спала, а младшая, которой ещё не было и года, сопела в колыбели у окна.

— Мам, — сказал Альсар, не поднимая головы от лодки. — А кто такая Арви? Она живет где-то в озере?

Лиэна поставила чашку на сушилку, медленно, аккуратно,

так, что Сарет сразу понял: она испугалась. Он отложил нож.

— Не знаю, солнышко, — сказала она. — А кто это?

— Не знаю, — сказал Альсар. Он возил лодку туда и обратно. — Она в воде. В розовой. И у неё лицо.

— Какое лицо?

Альсар задумался, и складка у него на лбу была отцовская, Сарет видел это даже отсюда.

— Обыкновенное, — сказал он наконец. — Как у тебя, старое. Только другое, такое красивое!

— А где ты её видел?

— Во сне. Нет, не во сне. — Он нахмурился сильнее. — Я забыл.

И снова занялся лодкой, как будто ничего не произошло. Через минуту он уже объяснял, что лодка плывёт к бабушке и везёт ей пирожки, и Арви больше не упоминал.

Лиэна стояла у раковины и вытирала руки полотенцем, хотя руки давно были сухие. Сарет подошёл к ней и встал рядом, плечом к плечу. Говорить вслух при сыне ни один из них не стал. Ночью, когда все уснули, она спросила шёпотом:

— Может, у соседей кого-нибудь так зовут?

— Нет, — сказал Сарет. — Я перебрал всех, кого знаю. И имя какое-то не наше.

— Не наше, — повторила Лиэна.

Они лежали под кривой глазурью и молчали. Говорить ли ему о свете? Сейчас или потом? Это решилось в ту же ночь, хотя ни один из них не сказал этого словами: они не будут

ничего объяснять, пока он сам не спросит о чём-то, на что можно ответить. А на вопрос про розовую воду и чужое лицо ответить было нечего.

* * *

Дальше всё пошло так, как идёт у всех, только быстрее, чем Сарету хотелось бы. Родились ещё двое, близнецы, мальчик и девочка, и в доме стало тесно и шумно до звона в ушах. Альсар пошёл в школу, длинную низкую постройку у рынка, где пахло мелом, деревом и мокрыми куртками. Учился он ровно, без блеска, хорошо считал, плохо писал и терпеть не мог заучивать наизусть. Дружил с соседским мальчишкой, с которым они за одно лето облазили все склоны вокруг посёлка и однажды заблудились в молодом плотнолесье так, что их искали с фонарями до рассвета. Дрался он тоже, как все. Пришёл однажды с разбитым носом и заявил, что первым не начинал, а потом подумал и добавил, что вторым тоже не начинал, просто так получилось. Лиэна смеялась до слёз и отказалась его ругать.

Со старшей сестрой он ссорился из-за всего подряд, а за младших стоял горой. Однажды он полез в драку с ребятами из верхнего посёлка, потому что те дразнили близнецов. После этого он сидел в мастерской с куском холодной глины на скуле и молча смотрел, как отец натягивает струны.

— Больно? — спросил Сарет.

— Нет. — Альсар подумал. — Немножко.

— Зачем полез? Их было трое.

— Затем, что они маленькие, — сказал Альсар, как будто это всё объясняло. Для него, похоже, и объясняло.

И ещё ему снились сны. Он рассказывал их за завтраком, торопливо, с набитым ртом, пока не забыл. Сначала Лиэна слушала с замиранием сердца, потом привыкла и только кивала, а Сарет привыкнуть так и не смог.

Ему снилось чёрное небо. Не винное, не тёмно-красное, а совсем чёрное, как сажа, и в нём тысячи белых точек, так много, что их нельзя сосчитать, и они не мерцают, а горят ровно и холодно.

— Так не бывает, — сказала ему как-то старшая. — Небо красное. Звёзд три штуки. Ты что, дурак?

— Сама дура, — ответил Альсар. — Я видел.

— Где ты видел?

— Там.

Ещё ему снилось кольцо. Огромное, медленно вращающееся, и по его внутренней стороне ходили люди, вверх ногами, если смотреть отсюда, и им было нормально, они не падали. Близнецы этот сон обожали и требовали пересказывать снова и снова, а потом играли в кольцо на чердаке, ползая по скату крыши, пока Лиэна не сняла их оттуда за шиворот.

Рисовать он начал лет в шесть и рисовал почти всегда одно и то же. Брал лист волокнистой бумаги, закрашивал его углём до черноты, так, что пальцы становились чёрными до запястий, а потом белым мелом ставил точки. Много точек, сотни, терпеливо, высунув язык. Иногда между точками по-

являлось что-то вроде веретена с колесом посередине, но это он рисовал реже и всегда недоволен был, стирал.

Учительница в школе повесила один такой рисунок на стену у входа.

— У вашего мальчика удивительное воображение, — сказала она Лиэне на родительском собрании. — Другие дети рисуют небо как есть, красным. А он придумал целый новый мир. Чёрное небо с блеском звезд, подумайте только. Вы его поощряйте, это редкость.

Лиэна поблагодарила и пообещала поощрять. Дома она пересказала это Сарету, и они долго смеялись, потому что смеяться было легче.

В тот год, когда Альсару исполнилось десять, Сарет зашёл вечером в детскую, чтобы погасить лампу. Сын уже спал, разметавшись, одна нога свисала с кровати. На столе лежал свежий рисунок, ещё пахнущий угольной пылью. Чёрное поле, белые точки, в центре какая-то летающая машина. Сарет взял его, чтобы убрать в папку, где Лиэна хранила их все, а их там было уже, наверное, под сотню, и вдруг заметил, что внизу, у самого края, мелом нарисована полоска воды. Розоватой, Альсар подкрасил её чем-то, кажется, стёртым в порошок обломком глазури.

Сарет постоял с рисунком в руках. За окном висела обычная ночь цвета старого вина, и над холмом горели две тусклые звезды, на которые в посёлке загадывали желания.

Он не стал убирать рисунок в папку. Отнёс его к себе в ма-

стерскую и положил под стекло на верстаке, туда, где лежали его старые расчёты нижнего регистра для органа в городском зале. Потом вернулся, подобрал свисающую ногу сына, укрыл его и погасил лампу.

5. Глава 5

Лицензии спасателей в Рукаве выдавали на пять лет, и на «Стриже» они были у всех, даже у Бажены с Гвидо, которые в скафандры не так уж часто и залезали. Устав Дальней спасательной службы не делил экипаж на тех, кто вытаскивает людей, и тех, кто чинит насосы. Раз борт отправлялся на официальные вызовы, корочку обязан иметь каждый, кто хотя бы немного принимает участие в операциях. Несколько лет назад сроки у всех разъехались: кто продлевался на Таврике, кто на Сольвейг, а кто тянул до последней недели, и Тобиашу это надоело. Он решил, что больше так не будет, и загнал на экзамен всех сразу.

— Один раз, — сказал он на пересменке и положил ладонь на стол, будто прихлопнул муху. — Одна неделя на Тессе, один центр, все вместе. Я не собираюсь следующие пять лет возить вас по одному, как детей к зубному.

Полкорабля ныло вслух. Ленни заявил, что нормативы по переноске пострадавшего придумали тяжи для тяжей и что нить в полной тяжести — это уже пострадавший. Пиц спросил, засчитают ли ему жгут, наложенный двумя руками, если остальными двумя он держит планшет. Гвидо сообщил, что последний раз сдавал первую помощь, когда Тобиаш ещё был молодым и симпатичным, и Тобиаш, не поднимая головы от тарелки, ответил, что, значит, Гвидо не сдавал её ни-

когда. Бажена молчала, но так, что было понятно, на чьей она стороне. Тобиаш выслушал всех, доел и ушёл к себе составлять расписание тренировок.

Арви сидела с краю и смотрела, как они спорят. Её экипаж. Четырнадцать человек, которые лезли в горящие станции и заклинившие шлюзы, — и теперь торговались со старпомом, как школьники, за лишние полчаса сна. Ей это нравилось больше, чем она готова была признать.

* * *

Спортзал на «Стриже» был тесный, к экзамену в нём толком не подготовишься, поэтому решили тренироваться на станции. Зал сняли на жилом ободе Тессы, в ярусе, где тяжесть была полная, без скидок. Два дня после восьми десятых «Стрижа» все ходили так, словно им в карманы насыпали песку. Пахло там потом и старой резиной: маты помнили, наверное, ещё первых строителей станции, и в углах из-под покрытия торчала серая крошка. Под потолком гудела вытяжка, которая абсолютно ничего не вытягивала, зато регулярно подёргивалась и сбивала с ритма.

Смены разделились сами — правая заняла стенку у окна, левая — у раздевалки, и к третьему дню на дверной раме мелом были выписаны два столбика времени: переноска манекена на сорок метров, вытаскивание из лаза, наложение шины. Мел, как выяснилось, принёс Пиц, а стёр чужую цифру, которую считал нечестной, Ленни. Тобиаш велел вернуть её на место и добавил свою, на четыре секунды лучше обеих.

— Это тренировка или соревнование? — возмутился Ленни, повиснув на шведской стенке.

— Это соревнование кто лучше тренируется, — сказала Тула. — Тащи давай, нить.

Ленни тащил. Он был в экзоскелете, который на каждом шаге пищал, жалуясь на перегрузку. Йона бежала рядом с секундомером и ни разу не ошиблась в счёте, хотя на вопрос Ленни, сколько там, ответила только с третьей попытки, от усталости она заикалась еще сильнее.

Мару гоняла Мика.

Арви поначалу думала, что ей кажется, а потом убедилась, что нет. Остальных Мару подбадривала и ругала со смехом, похлопывала каждого — только не Мика, его ни разу.

— Ещё раз, — говорила она. — Ты пропустил дыхательные пути.

— Я не пропустил, я…

— Пропустил. Он у тебя уже мёртвый. Ещё раз.

Мик стоял на коленях над манекеном, лицо у него было мокрое, свитер прилип к спине. Он молча вытирал лоб рукавом и начинал сначала: голос, плечо, дыхание, пульс. Мару возвышалась над ним, скрестив руки, и не сводила глаз с его пальцев.

Арви подошла к ней, когда Мик ушёл к фонтанчику.

— Ты его не загоняешь?

— Загоняю, — согласилась Мару. — Ты хочешь, чтобы его там пожалели?

— Я хочу, чтобы он дожил до экзамена.

— Доживёт. — Мару помолчала, глядя, как Мик пьёт, запрокинув голову. — Он сдаёт в не первый раз, капитан. Не продлевает — сдаёт. Там смотрят иначе. Я лучше здесь буду сволочью, чем там он встанет и уйдёт.

Арви знала, что Мик начинал уже не раз. Записывался, ходил на занятия, потом его забирал камбуз, рейс, чужая беда, и становилось неловко возвращаться, а папка с конспектами убиралась с глаз. Лицензия у него была только временная, корабельная, та, что Дальняя служба выдаёт младшему персоналу на испытательный срок и продлевает, пока капитан подписывает. Арви подписывала. Ей и в голову не приходило, что это может его задевать.

Она помнила, как прозвучало тогда, в тот тяжёлый год: «у тебя нет амбиций». И помнила, что Мик ничего на это не ответил. Ей хотелось сказать, что доказывать не нужно и что она была не права, но она не решалась: вдруг Мик и правда раньше бы всё сдал, если бы не она. Вмешиваться Арви не стала — мальчику шёл пятый десяток, он вполне мог сам принимать решения.

* * *

На шестую ночь она проснулась в каюте на «Стриже» от счёта.

— …двадцать восемь, двадцать девять, тридцать.

Мик стоял на коленях на полу между койкой и откидным столом. Перед ним лежало свёрнутое валиком одеяло, пере-

тянутое посередине её ремнём, — грудная клетка, как понимала Арви. На столе светился планшет с открытым разделом про реанимацию, рядом стояла остывшая кружка. Ночная полоса вдоль пола подсвечивала ему колени снизу.

Он наклонился, сделал два вдоха в пустоту над одеялом и снова упёрся ладонями.

— Один, два, три…

Арви лежала и не шевелилась. Можно было сказать ему, что уже третий час и что одеяло он всё равно не спасёт. Она не сказала. Слушала ровный счёт и думала, что за одиннадцать лет на этом корабле ни разу не видела, чтобы Мик что-нибудь учил. Готовить он умел всегда, будто родился с ножом в руке. Торговаться — тоже. А вот так, ночью, на коленях, по планшету, повторяя то, что не получается, — никогда.

На втором цикле он сбился, выругался шёпотом и начал заново.

Утром одеяло лежало на койке ровно, как будто ничего не было. Ремень висел на крючке.

* * *

Центр лицензирования размещался в филиале Академии Ласпи, в двух ярусах над деловыми кварталами Тессы. Внизу торговали, кричали и пахли жареным, а здесь тянулись широкие светлые коридоры, расчерченные белыми полосами, как борта их барж у девятого причала. Курсанты в серых куртках ходили по двое и разговаривали негромко. У входа

во всю стену висела карта Рукава, и узлы на ней светились так ровно, будто там никогда ничего никогда не гасло.

Пиц остановился перед картой и что-то считал на всех четырёх пальцах сразу.

— Не надо, — сказала ему Бажена.

— Я просто смотрю.

— Ты считаешь, сколько стоит эта стена. Не надо.

Теорию сдавали утром, все вместе, в зале с одинаковыми столами. Практику — по одному, в боксах, где пахло дезинфекцией и, почему-то, той же старой резиной, что и в спортзале. Видимо, маты на Тессе закупали одной партией. Правая смена отстрелялась быстро. Тобиаш вышел через двенадцать минут с таким видом, будто его оторвали от дела. Ленни вышел бледный, но с отметкой, и тут же сел на пол, отстегнув экзоскелет. Гвидо вышел, сказал «ну вот» и ушёл искать, где здесь кормят.

Мика вызвали предпоследним.

Стена у боксов была стеклянная, и ждущим разрешалось смотреть. Арви встала у стекла, Мару рядом с ней, а Нури чуть позади, и все трое выглядели как группа родителей, которые пришли болеть за своего малыша. Малыш улыбался своей детской улыбкой и махал им с той стороны гигантскими лапищами.

Экзаменатор, сухая женщина в форменной куртке Академии, дала Мику вводную: мужчина, падение с высоты на станции, без сознания. Мик опустился на колени возле ма-

некена, и Арви увидела, что у него трясутся руки. Не чуть-чуть, а так, что это было видно через стекло. Он положил ладони на плечи манекена и не смог сразу их удержать.

— Голос, — одними губами сказала Мару. — Ну.

Мик наклонился к манекену.

— Вы меня слышите?

Голос у него не дрожал. Это Арви запомнила потом лучше всего: руки ходили ходуном, а голос был ровный, тот самый, каким он на пересменке говорил «садитесь, остынет». Он проверил дыхательные пути, не пропустив, хотя Мару дёрнулась. Проверил дыхание, считая вслух. Вызвал помощь — экзаменатор кивнула, засчитывая. Ладони он сцепил в замок, и, как только упёрся ими в грудь манекена, дрожь ушла в работу.

— Один, два, три…

Тот же счёт, что ночью, над одеялом. Арви смотрела на его спину и на то, как он раскачивается от бёдер, а не от плеч, — значит, слушал Мару, а не только читал. На тридцатом счёте два вдоха, снова компрессии. Экзаменатор меняла вводные: пульс появился, пульс пропал, кровь из бедра. Мик наложил жгут, записал время маркером на манжете, повернул манекена набок. Руки снова начинали трястись, когда он их отнимал, и успокаивались, когда было что делать.

Потом экзаменатор что-то сказала, и Мик, опустившись на пятки, посмотрел на неё снизу вверх. Она сделала отметку в планшете и добавила ещё пару слов. Он кивнул, встал и

вытер ладони о штаны.

Когда он вышел, никто ничего не спросил. Мару просто смотрела на него.

— Сдал, — сказал Мик и пожал плечами, будто речь шла о соусе. — Сказала, жгут высоковато. Но в норме.

Мару хлопнула его по плечу — в первый раз за всю неделю — так, что он качнулся.

— Высоковато, — повторила она. — Я тебе говорила.

— Ты мне говорила, что я убил его девять раз.

— Ну и что, зато в десятый не убил.

Арви ничего не сказала. Она просто взяла его за руку и почувствовала, что пальцы у него всё ещё мелко дрожат. Он сжал её ладонь и не стал объяснять, да и ей нечего было добавить. Экзамен он сдал, причём не для неё, и от этого ей было почему-то ещё теплее.

Её саму вызвали последней. Она отработала вводные быстро и чисто, как делала много раз, и думала всё это время совсем не о манекене.

* * *

Орен Вальд ждал её на том же ярусе, в кабинете, который явно ему не принадлежал. Там было слишком пусто и аккуратно, а на полке не стояло ни одной вещи, которую кто-то выбрал бы сам. Он поднялся ей навстречу и пожал руку — сухо, коротко.

— Поздравляю с продлением, капитан. Весь экипаж, насколько я знаю.

— Быстро же до вас новости доходят, — восхищенно протянула Арви.

— Это наше здание. — Он сел и подвинул к ней папку. Бумажную, настоящую, с печатями. — Я хочу, чтобы этот разговор был другим, не таким, как прошлые. Поэтому начну я.

В папке лежали материалы комиссии с «Кантипа». Арви узнала собственные формулировки, свой отчёт, тот, который переписывала четыре раза, убирая прилагательные про директора Басилику. Здесь он был без её правок — первый вариант, который она никому не отправляла. Или отправляла, но не туда.

— Как? — спросила она.

— Сеть Тессы принадлежит Ласпи, — сказал Вальд спокойно. — Буфер узла — тоже. Вы это знали, просто не думали об этом. — Он перелистнул страницу. — Дальше. Канал на Тиину. Мы его видели. Не всё, что по нему шло, но достаточно. И ещё одно, раз уж мы договорились выкладывать все начистоту. Мы отправили вас на Сиваш не просто так.

Арви подняла на него глаза.

— Тогда вы предлагали работу. Хороший контракт, страховка, удобный маршрут.

— Тогда я так это подал. — Он не отвёл взгляда. — Это и был хороший контракт.

— Это было «мы вас отправили».

— Это было и то, и другое.

Она закрыла папку. Вальд подождал в тишине пустого кабинета, будто давал ей время решить, встанет она или нет, и, когда она осталась сидеть, заговорил о другом — о картелях. Он вёл этот разговор медленно, так обращаются к людям, которым неприятно слушать, но надо.

— Вы, наверное, думаете, что Ласпи, Гаспра, Партенит и остальные в состоянии перманентного соревнования или даже войны. Тихонечко так, где-то в кулуарах, но воюют. Это не так. Картели не борются, капитан. Они уравновешивают друг друга. У каждого своя область. Ласпи держит связь, узловую сеть, Гаспра — кристаллы и всё, что вокруг них. Мойнаки — медийное влияние. Партенит — разведка, переходы, страхование, верфи. Никто не может обойтись без остальных, и все это знают. Поэтому в Рукаве сотни лет нет войны. Да, каждый тихонько тянет одеяло на себя и есть некоторая борьба за влияние, но все умеют договариваться. Потому что любой перекос может вывести нас из этого равновесия. Даже преступность у нас с вами довольно мирная: контрабандист знает, сколько стоит взятка, и таможенник знает, сколько стоит промолчать, и оба хотят дожить до пенсии.

— Пиц бы с вами согласился, — сказала Арви.

— Ваш суперкарго — очень разумный человек, — Вальд позволил себе тень улыбки. — Беда в том, что равновесие держится, пока никто не стянет все одеяло на себя. И вот прямо сейчас Гаспра ближе всего к этому, благодаря тому, что знает о кристаллах больше, чем выдает остальным.

— Почему Тесса не погасла? — спросила Арви. Вопрос сидел в ней с того дня, как они вернулись: узел молчит, а станция живёт, свет горит, на рынке торгуют кардамоном. — Узел же молчит с тех пор, как на Оорт Депоте…

— Тесса не живёт узлом, — сказал Вальд. — Свет, воздух, тепло здесь от собственного реактора. Узел — это дорога и голос. Голос мы перекинули через соседние станции, медленно, но перекинули. А дорогу держат баржи. Вы видели их у девятого. Пока они ходят, Тесса не одна. — Он помолчал. — Нам это стоит очень дорого и мы платим. Потому что если погаснет Тесса, начнут гаснуть и остальные — не узлы, а люди, которые перестанут верить, что завтра будет как вчера, могут начать раскачивать нашу уравновешенную платформу и весь наш не очень крепкий покой унесет как к черной дыре.

Арви слушала и понимала, что он не врёт — или врёт так хорошо, что ей этого не поймать. Это было неуютнее, чем ложь.

— Теперь вы, — сказал Вальд. — Ровно столько, сколько захотите. Я не стану тянуть.

Не всё. Она помнила это «не всё» так ясно, как будто его сказали вслух у неё за плечом.

Она рассказала про кружево — что оно в ней растет почти с рождения и теперь это её нервы, а не вставка, и что Гаспра это знает. Потом объяснила, зачем они за ней охотятся: для них она — лоза, по которой нащупывают новые узлы,

как воду в пустыне ищут раздвоенной веткой. Про озеро — только то, что видели все, огни над розовой полосой, а не то, что открылось ей одной. Остальное Арви оставила при себе. Она говорила ровно, и Вальд ни разу её не перебил.

Когда она замолчала, он долго смотрел в окно.

— Да, — как будто выдохнул он наконец, обращаясь не к ней. — Сходится.

— Что сходится?

— Картинка. Гаспра решает кризис, капитан. Не нынешний — тот, что будет через сто, через двести лет. Гнёзда не бесконечны, кристаллы не бесконечны, сеть стоит на том, что вот-вот закончится. Они это посчитали раньше всех. И цель у них, если честно, светлая. Чтобы Рукав не погас и все наши 600 планет могли продолжать общаться. — Он повернулся к ней. — А методы грязные. И заодно им очень хочется, чтобы, когда всё решится, власть была полностью в их руках. Вот это и есть одеяло.

— А Ласпи не хочется?

— Ласпи хочется, чтобы одеяло осталось на всех. Нам так выгоднее. Я не прошу верить в наше благородство, я прошу верить в нашу выгоду.

Он предложил то, ради чего пришёл: защиту. Ласпи не отдаст её Гаспре, не выдаст совету хранителей, закроет её борт в своей сети, насколько сможет. Взамен — исследования.

— Без вырезания кружева, — сказала Арви раньше, чем он закончил.

— Без вырезания. Без проб, взятых без вашего согласия. И без прямого доступа к вам. Работа пойдёт у Феоды, у вашего отца, с вашим врачом. Ирма Кос будет вести медицинскую часть, ваш отец — кристаллы. Мы получаем отчёты и вас мы не трогаем.

— Отец уже согласился?

— Ваш отец, — сказал Вальд, — согласился быстрее, чем я ожидал.

Это Арви не понравилось, но она промолчала.

Он заговорил о деталях — кто подписывает, через какой канал идут данные, кто платит институту на Феоде. Говорил гладко и между делом сказал:

— О кружеве, кстати, я узнал только из материалов комиссии. Уже после Сиваша. До этого мы видели в вас просто хорошего капитана с удачей.

Арви кивнула, но не сразу поняла, что зацепилось: дошло через фразу, когда он уже говорил про страховые.

— Подождите, — сказала она. — Вы отправили нас на Сиваш.

— Да.

— До комиссии. До того, как узнали про кружево.

Вальд остановился.

— Зачем Ласпи отправлять на Сиваш хорошего капитана с удачей? У вас таких полный реестр. Почему «Стриж»?

Он помолчал совсем недолго, может быть, одну секунду, но Арви этой секунды хватило.

— Мы предполагали, — сказал он. — Не знали — предполагали.

— От кого?

— Капитан…

— От кого вы предполагали?

— Это не моя тайна, — сказал Вальд. — И она не против вас. Это всё, что я могу сказать сегодня.

Арви смотрела на него: аккуратный пустой кабинет, бумажная папка с печатями, человек, который только что раскрыл весь расклад и один козырь оставил в рукаве. Всё как у картелей, подумала она: уравновешивают. Он дал ей правду про Сиваш, чтобы она не спросила, откуда та взялась.

— Хорошо, — сказала она.

Они подписали. Вальд пожал ей руку ещё раз, теперь дольше, и проводил до двери. В коридоре курсанты в серых куртках расступились, пропуская её.

* * *

Внизу, в деловом ярусе, было шумно и пахло всей едой вселенной. Арви шла к причалу и думала о том, что ещё месяц назад за ней охотилась одна Гаспра, а теперь Ласпи смотрит на неё тем же взглядом, только вежливее. Подписанный договор ничего не менял в этом взгляде. Защитят — да. Пока выгодно. А когда станет выгоднее другое, Вальд так же спокойно разложит перед кем-нибудь другую папку.

Ей хотелось одного: чтобы где-нибудь заклинило шлюз, чтобы на каком-нибудь челноке отказал регенератор, чтобы

надо было лететь, считать воздух, вытаскивать людей. Чтобы всё было просто: вот беда, вот «Стриж», вот она. Её все достали — картели, хранители, советы, папки с печатями. Даже Тихие, забравшие у нее Митра.

На причале планшет пискнул. Сообщение от отца, короткое, как всё, что он писал.

«Ласпи прислали протокол, я подписал. Не волнуйся, то, что им нужно, они получат — это один слой. Есть и поглубже, но это не для их отчётов. Потом расскажу. Кашляю меньше».

Арви перечитала «поглубже» дважды и убрала планшет в карман. Можно было написать «что ещё за слой», можно было позвонить. Она не стала. Если отец сказал «потом», он скажет потом, а спрашивать через сеть, которая принадлежит Ласпи, она теперь не собиралась ни о чём.

У шлюза «Стрижа» стоял Мик в куртке, накинутой на плечи. Он держал два стаканчика с чем-то горячим и выглядел так, будто ждёт давно и не собирается в этом признаваться.

— Ну? — спросил он.

— Подписали.

— И как он?

Арви взяла у него стаканчик. Пальцы у Мика больше не дрожали.

— Вежливо врёт, — сказала она. — Но защищать нас будет.

— Это лучше, чем невежливо врать и не защищать, — рассудил Мик.

— Это лучше, повар-спасатель третьего разряда — с улыбкой согласилась она и пошла за ним в шлюз, где пахло чужим воздухом станции и, совсем немного, Миковым пирогом.

6. Глава 6

Сначала их было трое. Альсар, Гедо и Ринна, жившая через двор и умевшая лазить по влагосборным трубам лучше любого ребёнка в округе. Потом к ним стали приходить младшие братья Ринны, за ними двоюродные сёстры, а там и соседские ребята с нижней улицы, и к тринадцати годам на плоской крыше котельной, где они собирались по вечерам, иногда сидело человек пятнадцать. Альсар не звал никого. Люди приходили сами, садились поближе и слушали, даже когда он говорил о совершенной ерунде, о том, какой формы бывают облака над морем или почему старый мост скрипит только в сырую погоду.

Взрослые тоже стали задерживаться рядом. Учитель математики, который обычно уходил из школы первым, мог простоять с ним на крыльце полчаса. Соседка, вечно ругавшая мальчишек за мяч в клумбе, однажды сама принесла ему корзинку сапинт и долго не могла объяснить зачем. Лиэна смеялась и говорила, что у сына лицо, которому хочется доверить кошелёк. Сарет не смеялся. Он смотрел на эти корзинки и на соседку с таким видом, будто пересчитывает в уме что-то тяжёлое, а потом уходил в мастерскую.

* * *

Спор случился на той самой крыше, в конце лета, когда Альсару было четырнадцать.

Кастуш с соседней улицы был на два года старше и на голову выше, и котельную он считал своей. Пришёл он не один: с ним стояли ещё трое. Все четверо глядели на младших, как на голубей, занявших чужой подоконник.

— Слезайте, — сказал Кастуш. — Это наша крыша. Мы тут с весны сидим.

— Вы тут с весны не были ни разу, — ответила Ринна. — Тут голубиный помёт был по колено, мы его месяц отскребали.

— Вот и молодцы. Спасибо. А теперь слезайте.

Младшие начали подниматься. Кто-то уже потянулся к лестнице, и Альсар понял, что сейчас они уйдут, и уйдут насовсем, потому что во второй раз никто не станет отскребать чужую крышу. Он встал и пошёл к Кастушу, совершенно не зная, что скажет.

— Крыша ничья, — сказал он. — Её никто не покупал, и здесь хватит места на всех, если не толкаться.

И в этот момент у него внутри что-то зазвучало.

Не в ушах, а ниже, где-то под рёбрами, будто кто-то провёл смычком по самой толстой струне, и звук пошёл по костям, по рукам, до кончиков пальцев. Низкая, медленная мелодия без слов, из трёх-четырёх нот, которые возвращались по кругу. Альсар даже запнулся от неожиданности, но продолжил, и она шла вместе с его словами, подкладывалась под них, как ладонь под чашку.

— Вы же не хотите здесь драться, — говорил он. — Вам

нужно место, где можно посидеть вечером. Нам тоже. Давайте вы займёте ту сторону, у трубы, там и тень, и ветер с моря.

Он увидел, как у Кастуша опустились плечи. Совсем немного, на палец. Лицо, которое только что было злым и упрямым, как-то оплыло, разгладилось, и Кастуш кивнул. Сначала один раз, коротко, потом ещё, и тот, что стоял за его спиной, кивнул тоже, хотя Альсар смотрел вовсе не на него.

— Ну… у трубы так у трубы, — сказал Кастуш медленно, будто проверял каждое слово на вкус. — Там правда ветер.

— Правда, — согласился его приятель и улыбнулся неизвестно чему.

Они ушли к трубе и сели там, и просидели до темноты, и даже угостили младших жареными орехами из кулька. Ринна подошла к Альсару и ткнула его локтем в бок.

— Ловко ты их. Я думала, нас сейчас скинут с лестницы.

Он не ответил. Мелодия под рёбрами затихала, отступала, как вода после волны, и вместе с ней уходило странное тепло в пальцах. Альсар стоял и перебирал в памяти всё, что сказал. «Крыша ничья». «Хватит места». «Вы не хотите драться». Ни одного довода. Ни одной причины, по которой Кастуш, который весь последний год колотил всех, кто попадался ему на этой улице, должен был согласиться.

Он не доказал, а… повлиял.

* * *

Гедо жил над лавкой своего дяди и с рождения не слышал музыку. Уши у него были в полном порядке: он различал, как

в соседней комнате падает ложка, и узнавал шаги каждого из домашних. Но любая песня или мелодия была для него шумом, просто громким и неудобным, как работающий насос. В младших классах над ним смеялись, когда на уроке пения он стоял среди поющих с закрытым ртом, а потом перестали, потому что Гедо не обижался и смеха как будто не замечал.

На следующий день после спора Альсар нашёл его на причале, где Гедо чинил дядину сеть, и сел рядом на тёплые доски.

— Ты вчера был на крыше? — спросил Альсар.

— Был, ага, с самого начала.

— И что ты видел?

Гедо продел челнок в ячейку, затянул узел и только потом поднял голову.

— Видел, как ты подошёл к Кастушу и три раза сказал ему одно и то же. Что крыша ничья. Что вам не надо драться. И что у трубы ветер. — Он помолчал. — А он стоял и кивал, как пьяный. Я ещё подумал, что ты ему чего-то подсыпал.

— А что, я не правду сказал, что ли?!

— Да вроде правду, но ничего толкового не сказал. Если бы Кастуш был поумнее, он бы тебя спросил, почему это крыша ничья, если её построил его дед. Её его дед строил, ты знал?

Альсар не знал. Он сидел на досках, смотрел на воду, и ему становилось холодно, несмотря на солнце.

— Понимаешь, там была музыка, — сказал он наконец. —

У меня внутри. Я её слышал, а они под неё… подстроились. Как под танец.

Гедо пожал плечами и снова взялся за челнок.

— Значит, я её не слышал. Я никакую не слышу. Мне что твоя музыка, что дядин насос.

Он сказал это без всякой досады, деловито, и Альсар вдруг понял, что этот мальчишка с сетью на коленях сейчас единственный человек во всём городе, которому можно верить, когда он соглашается. Остальные — Ринна, младшие, учитель математики, соседка со сливами — все они, может быть, тоже кивали под музыку. И он никогда не узнает, что из сказанного им они приняли бы сами, а что просто пропели вместе с ним.

Он помнил, хотя и неясно, обрывками, что когда-то давно это было по-другому. Тогда приходилось настраиваться на одного человека, долго, осторожно, с напряжением, а все прочие видели только что-то неопределённое, лицо, которое трудно было удержать в памяти. Теперь не нужно было настраиваться ни на кого. Тело само брало ноту, и она шла ко всем сразу.

— Гедо, — он помолчал. — Ты будешь мне говорить, если я опять так сделаю? Ну, как будто заставляю других?

— Буду, — кивнул Гедо. — Если пойму, конечно. А можешь убедить кондитера отдать нам пирожные?

* * *

Вечером он пришёл на крышу и сделал то, чего от него

никто не ждал.

Он рассказал им всё. Про музыку под рёбрами, про Кастуша, про то, что он сам не понимает, как это получается; он и раньше так делал, но не осознавал, а тут чётко проследил, и что это, наверное, нельзя выключить совсем. Ребята сидели вокруг и слушали, и он чувствовал, как начинает подниматься мелодия, тихонько, сама, потому что они смотрели на него и ждали, а его тело, кажется, только этого и хотело. Он остановился, глубоко вдохнул и заставил себя замолчать, пока звук не ушёл.

— Вот сейчас, — сказал он. — Сейчас вы мне верите, потому что я это вам говорю. А надо не так. Если я что-то сказал, а вы согласились, запишите, почему согласились. Своими словами. А потом прочитайте, когда меня рядом не будет. Если там нет причины, значит, я вас просто… уговорил.

— Это игра такая? — спросил младший брат Ринны.

— Пусть будет игра.

Сначала это и была игра. Они завели тетрадь, общую, затрёпанную, с обгрызенным углом, и записывали туда его слова и свои доводы. Гедо читал её первым и ставил на полях короткие злые пометки вроде «а почему?» или «это не довод, это он улыбнулся». Ринна сначала обижалась на пометки, потом начала ставить свои. Потом они придумали правило: никакое решение не принимается в тот же вечер, когда его предложил Альсар или кто-либо другой. Потому что вдруг и у других тоже музыка. Да и вообще — любое реше-

ние нужно принимать взвешенно.

Альсар понял, что это правило ему нравится больше, чем все корзинки с пирожными вместе взятые.

Тогда же он начал рассказывать им про Тихих. Про спящих, которые старше любой звезды и сплелись в одну решётку, чтобы дождаться конца, и про то, что их сон кто-то режет на куски и жжёт ради дороги. Это приходило к нему ночами, как приходили сны о чёрном небе в белых точках, и он записывал утром всё, что успевал удержать. Ребята слушали это как сказку. Года через два кто-то из них, уже не ребёнок, спросил, а можно ли тогда найти дорогу, которая ничего не жжёт. И это перестало быть сказкой.

* * *

К шестнадцати годам память вернулась почти целиком. Она приходила не по порядку, кусками, иногда посреди урока, иногда во сне, и однажды пришла вся сразу: одиннадцать минут на «Кантипе», запах палёной изоляции, чужая рука в его руке и голос в шлемофоне, который он узнал бы с первого звука. Он проснулся с мокрым лицом и долго сидел на кровати, глядя в серое окно, трогая свои щёки — секунду назад, в этом сне, у него была густая щетина, измазанная вонючей жижей, и чувство, что нужно помыться, и проснувшись, он не мог поверить, что у него такой маленький и абсолютно гладкий подбородок, а когда за стеной завозились близнецы, встал и пошёл в мастерскую к отцу.

Сарет уже работал: он всегда вставал рано, а сегодня, ка-

жется, и не ложился, и настольная лампа всё ещё горела в утреннем свете. Под стеклом на его рабочем столе лежал тот самый детский рисунок: чёрное небо в белых точках, летающая машина и розовая полоса воды внизу. Вокруг него громоздились листы с расчётами, исчерканные мелким отцовским почерком. Лиэна сидела на табурете у окна, придерживая чашку с тёплым напитком, и по тому, как она сразу поставила её на подоконник, Альсар понял, что они его ждали. Может быть, уже давно.

— Мне снится… нет, я помню то, чего здесь не было, — сказал он. — Корабли. Станции. Людей, которых вы никогда не видели. И я хочу знать, откуда я взялся.

Сарет снял очки, положил их на стол рядом с рисунком и долго протирал глаза.

— Ты взялся от нас, — сказал он. — Это первое. Это ты запомни, а остальное потом.

Рассказывала Лиэна. Про ночь, когда в спальне стало светло, как днём, и свет был не жёлтый и не белый, а такой, какому она до сих пор не нашла названия. Про фигуры без лиц. Про голос, который не звучал в комнате, а прошёл прямо сквозь тело, и обоим, ей и Сарету, сказал одно и то же: что ребёнок у них будет особенный, и что растить его надо как обычного.

— Мы и растили как обычного, — сказала она. — Как умели. Ты орал по ночам до года, между прочим, совершенно обыкновенно. И коленки у тебя были вечно разбиты, как

у всех.

— Вы боялись?

— Конечно, — сказал Сарет. — Каждый день. А потом ты приносил с улицы котёнка или двойку по письму, и мы забывали бояться.

— А сейчас? Сейчас, когда я говорю, что помню чужую жизнь?

Лиэна встала, подошла к нему и взяла его лицо в ладони, как брала, когда он был маленьким и ещё не перерос её на голову.

— Ты думаешь, это что-то меняет? — спросила она. — Ты мой сын. Ты был моим сыном, когда был размером с буханку хлеба, и ты мой сын сейчас. Помни что хочешь. Хоть сто жизней.

Он хотел ответить и не смог. Мелодия под рёбрами совершенно точно молчала, он специально проверил это, прислушавшись изнутри к каждому уголку, а они говорили это сами, без всякой музыки.

Сарет надел очки, постучал пальцем по стеклу над рисунком.

— А теперь, раз уж мы всё это выяснили, — сказал он, — расскажи мне, что там, за этой розовой водой. Мне так интересно узнать.

И Альсар рассказал. Про красную вуаль Куори, за которой есть другое небо. Про Рукав, про станции на орбитах, про узлы, через которые ходят корабли, и про то, чем за эти

узлы платят. Сарет записывал, не перебивая, и только один раз поднял голову и спросил, какой частоты, по его мнению, тот звук, который слышат спящие. Альсар не знал, но вопрос ему понравился.

* * *

Потом одна тетрадь превратилась в несколько, а собираться стали в комнате над дядиной лавкой Гедо, потому что зимой на крыше котельной было холодно, да и их стало слишком много. Пришли студенты из столичного колледжа. Появилась молодая врач с соседнего острова: сначала она просто хотела посмотреть на мальчика с вплетённой в нервы светлой структурой, а осталась насовсем. Правило «не решать в тот же вечер» соблюдали все. Новичкам Гедо первым делом говорил, что Альсар может заговорить им зубы и что за этим надо следить, как за чайником на огне. Те смеялись, а через месяц начинали следить сами.

Альсар знал, что многие из них пришли бы к нему и без всякой тетради. И знал, что такие ему не нужны. Он учил их критическому мышлению на тот случай, если сюда прибудут другие Хранители.

* * *

Ему было чуть больше двадцати, когда он впервые прошёл через спящий узел.

Это не было похоже на прыжок. Не было провала, не было пропущенной ступеньки. Он стоял у старого камня на мысу, где узел дремал под пеной и водорослями, потом закрыл гла-

за, и вокруг стало тесно от голосов, огромных, медленных, звучащих со всех сторон, будто он оказался внутри колокола в тот момент, когда по нему ударили. В хоре нет расстояний. Он знал это и раньше, но только теперь почувствовал — и потянулся туда, где ячейки спали беспокойно, тяжело ворочаясь во сне. Звон кончился.

Под ногами был металлический пол.

Он стоял в узком техническом закутке у башни узла, среди кабельных коробов, и первое, что он почувствовал, был запах. Станционный воздух. Тёплый, пересушенный, с привкусом машинного масла, пластика и чего-то кислого из регенераторов. Старая память узнала этот запах мгновенно, как свой. Тело замерло и пробовало его осторожно, маленькими вдохами, потому что не знало, можно ли такое вообще вдыхать. Альсар стоял и дышал, и в голове у него одновременно жили два человека, один из которых здесь бывал сотни раз, а другой не был никогда. Физическое тело было удивлено, мозг пытался вспоминать.

Он вышел в коридор, в конце которого было окно.

Обычное обзорное окно нижнего яруса, толстое, чуть мутное по краям, с поручнем вдоль стены. А за ним были звёзды. Не нарисованные на детском листе, не увиденные во сне. Настоящие, колючие, неподвижные, на чёрном, какого не бывает ни в одном небе Эрмиты. Альсар подошёл и долго смотрел, не мигая, пока глаза не начало жечь. Он знал эти звёзды. Знал, вон та яркая у края — это солнце Сиваша, если смот-

реть отсюда, а за ней, левее, должна быть россыпь, похожая на рассыпанную соль. Россыпь была на месте. Это был его космос, родной, исхоженный, и его глаза видели его в первый раз.

Он положил руку на поручень и вздрогнул.

Металл был холодным. Не сильно, но пальцы удивились, будто им никто никогда не говорил, что железо бывает таким. На Эрмите он трогал перила на набережной, их делали из сплава глины, стекла и каучука, они были одновременно мягкие и твёрдые, моментально принимали температуру тела. Здесь всё было гладким, ровным и безразличным к его руке. Он провёл пальцами по пластиковой облицовке рядом, потом снова по металлу. Старая память не помнила этого холода вовсе. Тот человек хватался за такие поручни, не замечая, как не замечают воздуха.

Альсар пошёл по ободу и споткнулся на третьем шаге.

Пол уходил вверх. Совсем чуть-чуть, почти незаметно, но тело, выросшее на ровной земле, это почувствовало и не поверило. Нога ступила не туда, куда ждала, колено дёрнулось, и он ухватился за стену. Пол изгибался впереди плавной дугой и уходил под потолок. Альсар стоял, держась за стену, и смеялся беззвучно, потому что тот, другой, ходил по этой кривизне вслепую, бегом, с ящиком в руках, а он сейчас не мог сделать трёх шагов, не споткнувшись.

Он научился за полчаса. Шёл мелко, глядя под ноги, потом всё смелее, и к концу полукруга уже почти не думал о

том, где верх, где низ. Он ничего не собирался здесь делать. Только посмотреть, понять, сколько прошло времени, услышать, как говорят люди, о чём говорят. Он стоял у края коридора, ведущего к карантинной зоне, когда из-за поворота вышли двое.

Он узнал её сразу. До того, как увидел лицо, по походке, по тому, как она держала плечи.

И всё внутри остановилось.

Сердце ударило один раз, тяжело, будто в грудь толкнули ладонью, а потом пошло частить, сбиваясь. Горячая волна поднялась от живота к лицу, залила щёки, уши, в висках застучало, во рту стало сухо, как после бега. Он слышал, как дрожат пальцы. Старая любовь, та, что он нёс в себе всю прошлую жизнь, была сильной и тихой, привычной, как шрам. Эта была другой. Двадцатилетнее тело не знало никаких «тихо», оно не умело ждать и не хотело ничего понимать, оно просто рванулось к ней всем, что в нём было, и ему стоило огромного труда устоять на месте.

Он хотел отвести глаза и не смог.

Она изменилась: лицо осунулось, щёки запали, под глазами легли тени, которых он не помнил. Шла она медленно, будто плохо понимала, куда ей нужно, и смотрела куда-то перед собой, не на коридор, не на людей. Горе. Он видел его так ясно, будто оно было написано у неё на лбу, и не знал, сколько оно длится: месяц? год? Там, дома, прошло двадцать лет, а время Эрмиты в Куори шло гораздо быстрее. Огром-

ная скорлупа из отрицательной массы обнимала их систему и словно приподнимала её над тяжестью остальной вселенной. А чем меньше на тебя давит чужой вес, тем скорее идут часы, и внутри этой оболочки они опережали внешние в двести с лишним раз. Здесь могло пройти сколько угодно.

Рядом с ней шёл Мик. Высокий, сутулый, в своей вечной куртке, он что-то говорил ей вполголоса, наклоняясь, и она слушала, не отвечая. А её рука держалась за его рукав. Не за руку, за рукав, у локтя, крепко, как держатся за поручень, когда пол уходит из-под ног.

Альсар смотрел на эти пальцы на ткани и чувствовал, как под рёбрами начинает подниматься мелодия. Сама, без его воли, низкая и тяжёлая, она тянулась к ней через коридор, и он знал, что если позволит ей дойти, Арви обернётся. Обязательно обернётся, остановится, и тогда…

Она остановилась, в ожидании Мика, который отвлекся на какие-то специи. Арви отошла к стене, рассеянно осмотрелась и наткнулась на его взгляд. Она смотрела прямо на него.

Стиснув зубы, он задавил звук, как зажимают ладонью рот, и было по-настоящему больно, будто внутри что-то рвалось.

Она не одна, её поддерживают. Её поддерживает Мик, и держит, судя по всему, давно, и она сама за него крепко держится. А он, Альсар, сейчас для неё никто, незнакомый парень у стены с красным лицом и трясущимися руками. Если он подойдёт и заговорит, если она услышит хоть отзвук того,

что поднимается в нём, это не поможет ей. Это её сломает. Он видел, какая она сейчас тонкая, на какой последней нитке всё держится.

Он почувствовал, как его тело подалось вперёд, совсем немного, на полшага, и как он сам удержал его, вцепившись в холодный поручень так, что заныли пальцы.

Потом мимо проехали грохочущие тележки и он рванул с ними, чтобы не сорваться.

* * *

Из всех, кто собирался в комнате над дядиной лавкой, перемещаться между этими мирами мог только он. Ни Гедо, ни Ринна, ни врач с острова, ни студенты никогда не увидят этих звёзд, если не придумать, как им сюда попасть. А одному не сделать ничего. Нужен был план.

И первым в этом плане был отец с расчетами, студенты академии и их преподаватели. На этой стороне тоже были люди, которые разбирали кристаллы на атомы и искали, как с ними быть. Они не знали друг о друге. Значит, надо было начинать с того, чтобы они узнали.

7. Глава 7

Последние несколько месяцев «Стриж» был грузовозом. Не спасательным бортом, который между вызовами подрабатывает перевозками, как Арви говорила раньше, когда хотела себя утешить, а самым настоящим грузовозом, с манифестами, термоконтейнерами и подписями на каждой накладной. Ласпи платили исправно и много, и на втором месяце Бажена объявила, что от слова «личный бюджет» её больше не мутит, а на третьем Пиц завёл отдельную папку под названием «Лишнее», куда складывал деньги, которые ни на что срочное не требовались. Такой папки на «Стриже» раньше не было никогда.

Возили в основном для лаборатории. Центрифуги, вакуумные камеры, катушки экранированного кабеля, ящики с реактивами, которые Ирма запретила держать ближе двух ячеек от медотсека, и однажды сорок килограммов сушёных яблок, потому что кто-то из учёных написал в заявке «что-нибудь, что пахнет не камнем». Яблоки Мик пересчитал лично и три горсти всё-таки отсыпал на пирог, объяснив Пицу, что это дегустация.

Лаборатория размещалась в астероиде у Феоды, в старой выработке, которую когда-то бросили рудокопы. Штольни прорубили в камне так тесно, что разойтись вдвоём можно было только так: один прижимался к стене, а второй проплы-

вал над ним, держась за скобы. Тяжести почти не было. Её хватало ровно на то, чтобы пыль за неделю оседала на одну сторону, а уроненная отвёртка падала минуту, и то если повезёт. Поэтому всё, что могло уплыть, было привязано: мониторы и стойки ремнями, кружки липучками. Даже табуретки там, где обедали, пристегнули к полу короткими тросиками, чтобы никто не уносил их к себе случайным потоком воздуха. Комнатами здесь называли квартирки, выдолбленные в скале ячейками: в них помещались койка-кокон, откидной столик, шкафчик и лампа, которую каждый перекрашивал под себя. Тут было даже более тесно, чем в каюте «Стрижа», и еще без вращения и без соседа по смене, но почему-то уютно. Первый раз заглянув в такую квартирку, Арви сразу захотела остаться и выспаться.

Это был такой маленький научный городок. Жили там люди, некогда работавшие на Гаспру. Половину из них Дарен знал по прежней программе, и Арви сначала держалась с ними настороже, пока не увидела, как они встречают грузы. Гаспра годами давала им ровно то, что считала нужным, а Ласпи присылали то, что просили они сами, и каждый ящик здесь распаковывали так, будто им снова по двадцать лет и всё ещё впереди. Один пожилой химик, получив новый спектрометр, сел рядом с ним на пол, если в невесомости можно сесть на пол, и просидел так полчаса, просто глядя на панель.

Еще одно различие Гаспры и Ласпи было в том, что первые были готовы к неэтичным опытам, а вторые еще не рас-

качались до них. И группа фанатичных стариков понимала, что то, от чего они бежали в прошлый раз, может вернуться. Но пока они радовались как дети новым игрушкам.

* * *

В тот раз они привезли контейнер со списанными кристаллами. Ласпи собирали их по всем узлам, где меняли камни. Раньше всё это шло в переработку, а теперь отправлялось сюда, в штольни, под ремни и датчики.

— Ты обязана посмотреть, — сказал Дарен, когда она отстегнулась у шлюза. Он закашлялся, переждал, отвёл руку ото рта и только тогда закончил: — Не на меня, на приборы. На меня смотреть нечего.

Смотреть на него как раз было на что. Он похудел, но ел, это Арви знала от Ирмы, которая получала его анализы каждые две недели и пересылала с припиской «жив, вредный». Руки у него по-прежнему тряслись, но здесь, где ни одна вещь не падала быстро, так что это почти ничему не мешало.

Главный зал лаборатории был бывшим рудным карманом, неровным, с потолком, который местами опускался так низко, что приходилось подтягиваться под ним на руках. Кристаллы висели в сетках вдоль стены, каждый в своём гнезде из датчиков, и провода от них тянулись к стойке, на которой мерцали три монитора. На одном шла ровная зелёная линия, на другом — столбики, на третьем — что-то вроде карты, которую Арви не поняла бы, даже если бы её развернули к ней лицом.

— Выгоревшие, — сказал Дарен. — По документам мёртвые. По нашим данным… Покажи ей, — повернулся он к лаборантке, молодой женщине с коротко остриженными волосами, которая висела у стойки, зацепившись ступнёй за ремень.

— Они слушают, — сказала та. — Не поют, ничего не отдают, но реагируют на внешнее. На вибрацию, на смену температуры, на голос. Мы сначала думали, что это наводка от оборудования, и три недели всё экранировали. Наводки нет.

— Слушают, — повторила Арви.

— Ну, мы так это называем. Можно сказать «отвечают на стимул», но «слушают» короче.

Отдельно, в самом дальнем углу, висели два старых знакомых. Камень «Кантипа» Арви узнала бы с закрытыми глазами по одной ямке на грани размером с ноготь большого пальца. Рядом, в раскрытом ящике, лежал кристалл Пица, тот самый, на котором «Стриж» ходил после того, как погас его родной. Пиц отдал его сам, хоть и неохотно: долго торговался с собой, вздыхал и в итоге сказал, что пусть забирают, а квитанцию он оставит себе на память. Старый, с облезлой эмалью, он выглядел здесь, среди белых стоек, как бабушкин сундук на выставке.

— А эти тоже слушают? — спросила Арви и подтянулась ближе.

— Эти — особенно, — сказала лаборантка и замолчала, глядя на монитор.

Зелёная линия на нём вздыбилась, выдала зубец, потом ещё один, и пошла дрожать мелко, как струна, которую тронули и не отпустили. Арви остановилась.

— Это я что-то задела?

— Нет. Вы просто вошли. — Лаборантка вывела на экран журнал и развернула к Дарену. — Вот, Дарен, видите, отметка входа. Дверь, шаги, всплеск. Сегодня ещё сильнее, чем в прошлый раз.

— В прошлый раз? — Арви посмотрела на отца.

— В прошлый раз ты тоже приходила, — сказал Дарен. — С накладными. Мы тогда решили, что это шлюз. Шлюз хлопает, корпус вздрагивает. Потом проверили, шлюз не даёт ничего похожего.

— Выйдите, пожалуйста, — попросила лаборантка. — Если не трудно. Просто чтобы посмотреть.

Арви вытянулась обратно в штольню, держась за скобу, и повисла там, в полутьме, где пахло пылью и чьим-то кофе. Изнутри было слышно, как переговариваются, как кто-то негромко присвистнул. Через минуту Дарен высунул голову.

— Заходи.

На мониторе была уже знакомая ровная линия, а рядом, на распечатке журнала, длинный провал — плоский, гладкий, как стол.

— Когда вы вышли, они замолчали, — сказала лаборантка. — Совсем. Даже фон упал.

Из-за стойки высунулся парень в свитере с оторванным

рукавом, который всё это время что-то паял, привязав себя к табуретке.

— Да это же собаки Павлова, — сказал он. — Корабль приходит, значит, привезли еду. Они уже знают, кто кормит.

Кто-то засмеялся. Дарен не засмеялся, но и не одёрнул, и Арви видела, как он взял планшет и что-то быстро в нём пометил, неровно, трясущимся пальцем.

— Еду им привожу не я, — сказала она. — Еду им привозит Пиц, у него и накладные.

— Значит, надо позвать Пица и посмотреть, — кивнул Дарен. — И Мика. И ещё кого-нибудь, кто никогда сюда не заходил. Одна запись — это не данные, это анекдот.

Она снова вошла. Линия снова вздыбилась. Арви постояла, глядя на зубцы, и почувствовала то, чего не чувствовала давно: любопытство без страха. Не тревогу, не желание немедленно что-то решить, а простое детское «а что, если ещё раз?». Она выплыла и вплыла ещё дважды, пока лаборантка не сказала, что статистики хватит, а то кристаллы привыкнут и перестанут обращать на неё внимание, как собаки на почтальона, который ходит слишком часто.

Вечером, уже на борту, Пиц долго расспрашивал, как там его ящик, не поцарапали ли эмаль и висит ли он рядом с порядочными камнями или его засунули куда-нибудь к хламу. Арви сказала, что висит рядом с «Кантипом», и Пиц успокоился, как будто это было почётное место.

* * *

Письмо от юристов Ласпи пришло через четыре дня, когда «Стриж» уже шёл к Тессе за следующим грузом. Короткое сопроводительное: «Для сведения. Ответных действий не требуется. Мы занимаемся», и приложение на сорок страниц. Гаспра подала иск в арбитраж Ассамблеи Рукава: диверсия на Оорт Депоте, уничтожение имущества, гибель персонала. Ответчик — капитан спасательного борта «Стриж» Арвойтус Гота.

Арви читала в рубке, на откидном сиденье у входа, потому что в капитанском кресле ей почему-то не читалось. На автоматике корабль шёл ровно, дежурный пульт мигал зелёным, и где-то за переборкой гудел лифт в спице.

Юридическую часть она пролистала, слова там были длинные и без смысла, как во всём, что юристы пишут для юристов. Потом наткнулась на раздел с перечнем ущерба. Секторы, оборудование, стоимость, а под всем этим, отдельной строкой, жирным, — число погибших.

Она прочитала его один раз, потом второй, уже не торопясь, будто от такого чтения оно могло стать другим.

Про Оорт Депот она знала, что там было плохо: гнездо, узел Тессы молчит с тех пор, огни гасли по секторам. Она догадывалась, что погибли люди, и даже говорила себе это словами, но никогда не спрашивала сколько. Ей казалось тогда, что задать этот вопрос сейчас — значит сломаться прямо на месте, а этого она себе позволить не могла, потому что у неё был корабль. Потом он пришёл в порядок, а спросить

она так и не собралась.

Теперь число стояло на экране, напечатанное чужим шрифтом, и говорило о людях. Репутация, иск и Гаспра рядом с ним отступали, хотя той нужна была сама Арви и тяжбу затевали только ради неё. Арви понимала это давно, с того разговора на Тессе, когда Вальд ей всё объяснил. Но людям, которые стояли за этой строкой, было совершенно неважно, зачем Гаспра их посчитала. Ошибки в этом счёте не было. Сверить ей было не с чем, и всё-таки она это знала тем глухим знанием, от которого не отмахнёшься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.